

Ф. П. Пшеничников
В устье реки Ординки

Кто из живущих в нашем районе не знает небольшой деревни Казаково, особенно ничем не приметной, ныне сросшейся селом Орда и составляющей одно целое с райцентром! Что эта деревня — ничем не примечательна, показаться может, если посмотреть на неё поверхностно: в ней проживают самые обыкновенные рядовые колхозники. А если присмотреться ближе и глубже вникнуть в историю этого небольшого селения, то картина, несомненно, изменится. На самом деле разве не интересно, откуда взялось его название, как давно оно существует, кто были первые в деревне поселенцы, как складывалась жизнь, их судьбы.

Деревня Казаково — одна из самых древних в нашем округе. В 1623 г., согласно переписи, в ней числился один двор богатого казака, по национальности татарина (остяка). Несмотря на ряд перенесенных бедствий, междоусобиц и восстаний, деревня сохранила свое первоначальное название, донесла память о первом строителе, первых жителях.

Если посмотреть на картину нашего района, нельзя не заметить, что многие реки, озёра, населённые пункты носят не русские названия: Ирень, Кунгурка, Кишорка, Ясыл и другие. И это там, где живёт только русское население. Эти названия, как документы, повествуют о прошлом, что на территории Ординского района в далеком прошлом проживали манси, коми-пермяки, татары и только в XVI в. появляются здесь русские. В Иренский край на Кунгур они стали проникать в основном после покорения казанского ханства, с появлением в Предуралье казаков, с момента призвания «вольных молодцов» Строгановыми, во главе с атаманом Ермаком.

Первое знакомство с Иренским краем казаков из отряда атамана Ермака состоялось в 1579 г., во время их зимовки в окрестностях Сылвы. После зимовья Ермак отправился к Строгановым. Но многие пришедшие с ним к Строгановым не пошли, разбежались. А другие, найдя себе подходящие места, на том зимовье жить остались — и это было первым началом русского поселения в Кунгурском уезде.

То, что одними из первых русских поселенцев на реке Кунгурке в основном были выходцы из волжских и уральских казаков, подтверждается фамилиями местных жителей, одновременно встречающихся среди списков казаков того времени. В частности, в списках уральских казаков, опубликованных Карповым в книге «Уральцы», датированных 1633—1725 гг., извлечённых автором, вероятно из архивов Строгановых. В Ординской церкви также хранится список «служивых людей». Когда мне было лет 15, я два раза имел счастье держать его в

руках. Возможно, в этом списке были записаны одни из первых русских жителей, проживающих в устье реки Ординки. Список писали на пергаменте, в нем вместо даты стояли три церковно-славянские буквы Р.М.А. Вот некоторые из прозваний (фамилий), которые были только у знатных, служивых людей Ильинской слободы: Волгин внук, Балахонец, Белозерец, Фомин, Масла, Болдырь, Кузнец, Губан, Зайка, Коваль, Лобин, Лушняк, Пастух, Чеснок, Кощей, Курило и ещё несколько прозваний, прочитать которые было невозможно. Весьма распространённая фамилия Ермаковых также до некоторой степени может служить подтверждением о проживании здесь казаков, бывших в отрядах атамана Ермака.

Придя на Кунгур, «добрые люди» принесли сюда свои порядки и нравы. Их обычаи бывших вольных казаков, привыкших к буйству, грабежам и праздной жизни, передавались по наследству от отца к сыну и длительное время отрицательно влияли на экономику края.

Ещё в конце XVII — начале XVIII в. бывшая ухватка «добрых молодцев» давала о себе знать. Это видно из судебно-следственного дела 1686—1690 гг., опубликованного в «Кунгурских актах». «Камская вольница», проживающая в селе Ординском и его окрестностях, была поймана с поличным. Из числа жителей села (в то время было уже село, а не слобода) по делу воровской шайки привлекалось в качестве ответчиков, потерпевших и свидетелей 22 человека. Большинство из них проживали постоянно, имели собственные дома и землю.

Отметка «Пономарь», сделанная против фамилии Ивашки Семерикова, говорит о том, что в 1686 г. в Орде уже была церковь. Документ свидетельствует также, что в конце XVII в. вместо прозваний всё чаще встречаются фамилии. В течение XVIII в. отмирание прозваний продолжалось. А согласно метрической книге за 1790 год, в окрестностях села у жителей уже были только фамилии — Ермаковы, Балахоновы, Бочкарёвы, Глуховы, Горынцевы, Пастуховы, Плотниковы, Чесноковы, Черепановы и другие. В книгах Ординского волостного правления иногда упоминались ещё прозвания, но как пояснения, заключённые в скобках.

Село Орда возникло как опорный пункт в период основания края русскими и первоначально называлось слободой, в дальнейшем с устройством деревянной крепости — Ильинским острожком. Здесь был небольшой гарнизон служивых людей, стрельцов и конных казаков, имелись даже пушки. Царское правительство, чтобы меньше платить жалование служивым, наделяло их землей. «Смотря по их радению править государю», т. е. по их достоинству и рангам. В связи с этим некоторые видные чиновники получали весьма крупные вотчины или поместья с закрепощением бывших владельцев этой земли.

Есть основания полагать, что по имени служивого казачьего сотника Курило названа деревня Курилово, по имени Губана - Губаны, Масла -

Маслаи. Была и деревня Голая, названная по имени казака Голого, но её не существует уже около ста лет.

К сожалению, о служивом казаке, чьё имя носит, вероятно, деревня Казаково, известно очень мало. Проживал на речке Кунгур, по его выражению, очень давно. Имел весьма значительную вотчину и сына — Баранчу. Баранчина Орда — так называлось селение на мысу против устья речки Ординки. В 1671 г. Баранча, сын казаков, был уже сильно стар, проживал недалеко от Кунгура. Из документов видно, что Баранча Казаков вотчину свою и дом покинул недобровольно, бежал, очевидно, в тот момент, когда Баранча Орда в официальных бумагах названа Ильинской слободой.

Весьма длительное время Баранча Казаков, а впоследствии его сыновья и внуки хлопотали, хотели вернуть свою бывшую вотчину. Они дошли даже до царя, в грамоте от 22 августа 1678 г. было написано: «Земли. Леса и сенные угодья, принадлежащие татарам — ныне проживающим в волостях Янычевской и Шаквинской — деревни Казаковой по писцовым книгам Михаила Кайсарова 1623—1624 гг., подтверждены за ними».

Но татары земли своей не получали. Слишком далеко была Москва, чтобы проконтролировать выполнение указов. Принадлежал ли Козак, отец Баранчи, к семье выходцев «Камской вольности» — вопрос остаётся открытым. Скорее всего, нет. По национальности из остяков, ассимилированными татарами, как потомок аборигенов края владел земельными угодьями.

О времени организованного заселения русскими устья реки Ординки можно только предполагать, так как точной даты не сохранилось. Вероятно, оно состоялось около 1600—1602 гг. Это предположение основывается на том, что 9 (22) мая 1901 г. в Орде праздновали двухсотлетие деревянного храма, Николаевской церкви и одновременно отмечалось трехсотлетие заселения здешних мест русскими. Ординцы имели в то время какие-то документы, подтверждающие эту дату.

Возможно, что усиленное строительство в устье Ординки было предпринято в связи с уставом от 21 ноября 1601 г. Этим царским указом всё крестьянское население России прикреплялось к земле там, где застал их, беглых, данный указ. А возглавлял поселение беглецов Баранча — сын Казаков.

Орда. Преображение. – СПб., 2016. – С.81-84

Население д. Казаково
(результаты переписи)

1869 г.		1905 г.		1925 г.		1963 г.
дворы	человек	дворы	человек	дворы	человек	человек
63	358	59	320	76	350	238

Новиков, В.Н. География, история и экономика Ординского района. – Орда, 2005

Род и официальное название района, сельсовета и населенных пунктов.	Расстояние до		Ч и с л о				Преобладающая национальность.
	До районного центра.	До своего сельсовета.	Дворов.	Населения обоего пола.	Торговых предприятий.	Промышленных заведений.	
1	2	3	4	5	6	7	8
Ординский район.							
Ординский сельсовет							
Село Орда	—	—	130	570	5	1	русские
Заречинский сельсовет							
Деревня Заречья	—	—	81	393	—	5	"
Арсеново	2	1	72	354	—	—	"
Бавно	1	1	46	199	—	3	"
Захаровка	3	2	10	53	—	2	"
Кавыково	—	—	76	350	—	6	"
Толча	2	—	25	130	—	1	"

Справочник территории и населения Кунгурского округа, 1925 г.

На кубок области по футболу Три гола Виктора Кашина

Победа над кишертцами обеспечила нашей команде выйти в четверть финала. На этот раз ординцы встречались с сивинскими спортсменами. Игра проходила в Краснокамске. Первый тайм окончился безрезультатно.

После отдыха наш центральный нападающий Виктор Кашин забивает первый гол. Затем после этого напор нашей команды усилился. Удары по воротам следуют один за другим, но не все достигают цели. И снова Виктор Кашин добивается успеха. Автором третьего гола был он же. Встреча закончилась со счетом 3:0 в пользу ординских футболистов.

В полуфинальном матче ординские спортсмены встретятся с юрлинскими футболистами. Он состоится 11 июня в Кунгуре.

Ударник. — 1961. — 7 июня

В. Шубарин Будет в Орде пруд!

Несколько лет назад Казаковская мельница (её называли ещё Казённой) была закрыта, т.к. промышленного значения она не имела. Разрушилась и плотина. В этом году силами общественности и предприятий райцентра решили восстановить плотину и сделать пруд значительно больше, чем

был старый. Современная техника позволила в короткий срок передвинуть сотни кубометров грунта. С Казаковской горы вывезены десятки кубометров камня и щебня.

Большую помощь в возведении сооружения оказали рабочие и служащие предприятий и организаций райцентра, а также ученики Ординской средней школы. Они дважды выходили на субботник и воскресник.

В прошедшую субботу на завершение строительства вышло более восьмидесяти человек, которые произвели засыпку краёв плотины землёй и щебнем. Большинство руководителей организаций серьёзно отнеслись к сооружению плотины, выделили автотранспорт и направили людей. К ним относятся Ординская пожарная команда (начальник А.П. Басанов), райбольница (главный врач Л. В. Кривоногова) и другие.

Но, к сожалению, далеко не все поступили так. Не выделили транспорт: Ординская средняя школа, санаторий, заготконтора. А ведь руководители этих учреждений ещё накануне обещали направить на стройку свои машины.

Работы по возведению плотины подходят к концу. Скоро зеркальная гладь воды растянется больше чем на два километра в длину и около двухсот метров в ширину. Привольно будет в новом пруду красавцам-карпам и золотистым карасям.

Чтобы ещё краше был наш пруд, молодёжи райцентра нужно будет высадить вдоль пруда несколько сот деревьев и кустарников.

Верный путь. – 1965. – 9 сент.



О наименовании улиц села Орды

Решение исполнительного комитета Ординского сельского
Совета депутатов трудящихся от 12 апреля 1966 г.

В соответствии с решением исполнительного комитета Пермского областного Совета депутатов трудящихся от 5 марта 1966 г. № 103 «О снятии с учета населенных пунктов Ординского района» - дд. Банное, Беляево, Заречная, Казаково и Рубежово, как потерявших самостоятельное значение и фактически слившихся с селом Орда, исполнительный комитет Ординского сельского Совета депутатов трудящихся решил:

Именованы улицы села Орды следующими названиями:

Улица Советская—от казаковского моста до дома Банникова И. В. и до улицы Беляева.

Улица Колхозная—от избы-читальни до дома Кашина Ивана Гавриловича.

Улица Труда—от дома Никулина Виктора Степановича до дома Непп А.

Улица Набережная—от дома Котельникова Виктора Михайловича до ветлечебницы.

Улица Тракторная—от дома Жаркова Никиты Ивановича до 8-квартирного дома.

Улица 1-е Мая.

Улица Матросова—от дома Якунина Ф. и до дома Шерстобитова П. Дм.

Улица Пугачева—от дома Паутова Георгия Васильевича до крахмального завода.

Улица 8-е Марта (Шишмары)—от дома Плотникова Сергея И. до дома Лобановой Е.

Улица Нагорная—от дома Честиковой Вассы Ивановны до дома Зубенина В. П.

Улица Садовая—от дома Смирнова К. до дома Старцевой Таисии Семеновны.

Улица Мира (бывшая дер. Банное).

Улица Гагарина (бывшая дер. Казаково) —от казаковского моста до дома Арапова Михаила и переулок к бывшей дер. Банное.

Улица Запрудная—от дома Чуканова П. И. до дома Шляпниковой Миропии.

Улица Заречная—от дома Макаровой К. Г. до дома Дюпиной А. М. и переулок от дома Игошева В. А. до дома Прокопенко С.

Улица Беляева (бывшая дер. Беляево) —от дома Щербакова по тракту до дома Пятунина Максима Михайловича (бывшие Банники).

Улица Верх-Беляево—от дома Честиковой Анны Г. до дома Зайцевой или Батракова Н.

Улица Подгорная—от дома Макарова Мих. Ал. до дома Бабушкиной Анны Петровны.

Улица Падерная—от дома Честиковой Веры С. до конторы колхоза «Правда».

Председатель исполнительного комитета Ординского сельского
Совета депутатов трудящихся Г. Алябушев

Секретарь исполнительного комитета Ординского сельского
Совета депутатов трудящихся И. Щербинин

Члены исполкома Перминова А.Н., Нарыгина А.И., Тележников А.И.,
Иконников М.П.

И. Гришин Лампочка Ильича

В 1924 году на заседании Ординского райисполкома завязался разговор о строительстве электростанции на базе маслозавода, который раньше принадлежал купцу Рудакову. Для этой цели было создано товарищество по электрификации Орды. Его председателем избрали Петра Фёдоровича Пшеничникова, бухгалтером – Петра Ивановича Котельникова.

Членский взнос для всех вступающих установили в сумме пяти рублей. В первые же дни в товарищество записалось 20 человек, но для заключения договора на составление проектно-сметных работ нужно было триста рублей. Поэтому собранных денег явно не хватало. В сбор средств включились сельские активисты: Иван Матвеевич Калинин, братья – Иван и Егор Паутовы, Георгий Михайлович Чесноков и другие. Они агитировали людей вступать в товарищество. Наконец, средства, необходимые для работы, были собраны. Товарищество заключило договор с акционерным обществом, которое занималось строительством сельских электростанций, начали закупать необходимые электроматериалы.

По проекту намечалось ввести в строй две динамо-машины мощностью по 8 киловатт каждая, а также использовать два электромотора по 4 киловатта для молотбы хлеба населению. Двигатель в 20 лошадиных сил имелся; он остался после конфискации имущества купца Рудакова. В начале монтажных работ всех граждан обязали заготовить лес на столбы, выкопать для них ямы.

Люди поначалу не верили, что маленькие стеклянные пузырьки, как тогда называли лампочки, могут освещать дома без керосина. Но со временем это неверие отпало, люди начали вступать в товарищество.

Много было разных смешных случаев в те дни. Сделают монтаж проводку в доме, а уже на следующий день приходят хозяева и просят её убрать. Старухи, бывало, ходят за монтажниками и спрашивают у них, куда нужно заливать керосин и сколько его заливать.

Монтажник Каравашков сделал в доме стариков, которые жили в Казаково (ныне улица Гагарина) проводку, в то время, когда бабка куда-то отлучилась. А когда она пришла, то начала ругаться: «Чёртову душу делаете. Не дам!» Прогнала монтажника, да ещё и палкой ударила по руке.

Кое-кто уходил из товарищества, но новые члены всё прибывали и прибывали. Особенно много вступило когда начали осенью молотбу при помощи электромоторов. Люди сразу поняли преимущества электричества перед конными молотилками, да и электрические лампочки светили гораздо лучше керосиновых. Увеличивались оборотные средства товарищества, росла мощность сельской электростанции. Вскоре члены



Михайловы Александр Матвеевич, Наталия Александровна с детьми Николаем, Александром (на руках), Владимиром, Фаиной

русского языка и литературы. Наталия Александровна работала учителем начальных классов в Зареченской начальной школе.

В августе 1935 года в семье родился первый ребёнок, девочка, которую назвали Фаина. В 1939 году родился сын Владимир. Как и большинство сельских жителей, семья вела хозяйство: огород, куры, корова. Несмотря на

загруженность в школе, хозяйство, воспитание детей, Наталия Александровна училась заочно и получила диплом учителя немецкого языка. Началась война, Михайловы работали (Александр Матвеевич по состоянию здоровья не был призван на фронт). В 1942 году родился сын Николай. Время было тяжёлое, уроки делала маленькая Фаина при свете керосиновой лампы, выполняла всё добросовестно, училась легко и с интересом, после окончания школы поступила в Пермский Государственный университет. Закончилась война, подрастали дети. А значит, была помощь родителям: ездили вместе на покос, заготовливали сено, работали на огороде, пасли коров. Наталия Александровна к тому времени преподавала немецкий язык в Ординской средней школе и вела драматический кружок.

А дома по-прежнему хозяйство, подготовка к урокам, и любимое занятие - чтение. Книг было много, помимо домашних, брали книги в библиотеке. В семье была негласная традиция: читать вслух. Особенно любили рассказы А. П. Чехова. Обычно перед сном прочитывалось 1-2 рассказа. Позднее старшая внучка, гостившая каждое лето у бабушки с дедушкой, продолжила эту замечательную традицию. Наталия Александровна читала очень много, это передалось и её детям: сын Владимир запоем читал всё, что было в домашней библиотеке. Он хорошо учился, закончил школу с серебряной медалью. В дальнейшем свою жизнь связал с армией. В 1947 году в семье родился сын Александр, а в 1949 году дочь Елена. Это были нелегкие послевоенные годы, дети учились, помогали родителям. Родители всегда поддерживали интересы детей: заинтересовались старшие сыновья фотографией - им купили недорогой фотоаппарат и всё необходимое для печатания фотографий. Сын Николай увлёкся охотой -

тут же нашёл поддержку родителей, любил технику - первый небольшой мотоцикл был куплен именно ему. Впоследствии Николай окончил Омский автомобильно-дорожный институт. Сын Александр окончил Омский институт инженеров железнодорожного транспорта, дочь Елена пошла по стопам Наталии



Александровны: окончила Омский педагогический институт по специальности - французский и немецкий языки. Работала 3 года в Лаосе в качестве преподавателя, все последующие годы учителем в школе. В семье имелись музыкальные инструменты: гитара и две балалайки. По вечерам Александр Матвеевич брал гитару, кто-то из детей играл на балалайках, и все пели. Предпочтение отдавали романсам. Чаще других звучал: «Гори, гори моя звезда». Наталия Александровна сама очень хорошо пела.

Михайловы любили принимать гостей. У них бывали коллеги: Громаковская Янина Викторовна, Давидов Иван Игнатьевич с семьями. Приходили врачи Андрофагины, и, конечно, родственники: племянница Наталии Александровны Нина Смирнова, сёстры Александра Матвеевича Фавста Матвеевна и Инна Матвеевна. Фавста Матвеевна всю жизнь работала учителем начальных классов, была награждена орденом Ленина. Инна Матвеевна тоже была учителем начальных классов. Они также проживали в Казаково. Несмотря на большую семью, ответственную работу в школе, Михайловы находили время и ездили (в ту пору не было автобусов) на электричке в Пермский театр оперы и балета. Ещё нужно сказать, что Наталия Александровна любила печь и стряпать. По соседству жила семья Мальгиновых. У Виктора Павловича день рождения был, как и у Наталии Александровны, 8 сентября, а у Дины Николаевны, как и у Александра Матвеевича, 26 мая. Наталия Александровна всегда пекла два торта – один оставался в семье, а второй непременно преподносился соседям – именинникам. Закончили свою трудовую деятельность с единственной записью в трудовой книжке – УЧИТЕЛЬ. Александр Матвеевич был награждён орденом Трудового Красного Знамени.

Дом и сейчас летом принимает гостей: это внуки, правнуки и даже праправнуки замечательных людей Александра Матвеевича и Наталии Александровны.

Из воспоминаний старшей внучки Александра Матвеевича
и Наталии Александровны Михайловых
Ларисы Анатольевны Галко (Балуевой)



*Вера Зверева, Лариса Балуева,
Люда Мишарина*

Несмотря на свой возраст, а мне уже 64 года, с любовью и трепетом вспоминаю время, проведённое в Орде, в доме моих деда и бабуся. Каждое лето, все три месяца, я проводила в деревне. Какие это были замечательные интересные дни! Для городской девочки здесь было много нового: быт, обязанности (пусть даже небольшие), местный говор, люди – простые и открытые. А главное - рядом любящие тебя деда и бабуся. В семье был порядок: спать мне долго не давали, подъём был в 8-30 (хотя так хотелось поспать), завтрак. А как вкусно всегда начиналось утро! На завтрак – либо шаньги (кстати, именно здесь, в деревне, я познакомилась с этим словом и самим блюдом), либо пироги, блины, оладьи... Частыми

были поездки на мотоцикле в лес за грибами и ягодами. Бабуся непременно рвала букеты полевых цветов, которые потом ставили в вазы. Думаю, поэтому я отдаю предпочтение именно простым полевым ромашкам, василькам, колокольчикам и многим другим, которых на Урале такое множество!!! Вечером всегда выходили встречать стадо коров, бабуся шла доить корову, и обязательно поила парным молоком. А потом наступало чудесное время: я шла «бегать» в проулок со своими деревенскими друзьями, среди них были Люда Мишарина, Таня и Вова Мальгиновы, ребята Кавардаковы, Люся Кобелева, приходил к нам Юра Батуев. Было так весело и дружно! Но в 22.00 городскую девочку Ларису звали домой (в семье Александра Матвеевича был порядок и режим), а так хотелось побегать! Днём с девчонками играли «в клетки». Я узнала новое значение этого слова: оказывается, это что-то вроде комнаты, куда сносили старенькие шторы, какие-то полочки, скатерти, чашки и многое другое. Получалась такая «однокомнатная квартира». Ещё я очень любила, когда из Перми на выходные приезжал дядя Коля (для меня просто Коля), он всегда слыл охотником и рыболовом, брал меня с собой на рыбалку, научил насаживать червяка, делать подсечку и ловить рыбу. Деда с бабусей меня отпускали на

Толчею, и я всегда возвращалась с уловом. Как говорил деда, «на жарёху хватит». А каким событием было сходить с подружками в кино на сеанс с 15 часов за 5 копеек! Позже отпускали с 19 часов и наконец с 21 часа! Однажды я даже ходила с колотушкой (сейчас трудно объяснить своим внукам, что это за «инструмент» и для чего он предназначался). Мы ходили с бабусей, когда подошла наша очередь, стучали до самого рассвета.

Я даже полгода училась в Ординской школе, это была зима, 1968 год. До этого я не видела зимнюю Орду. Всё было так необычно: сугробы вровень с забором, очень много снега, тропинки, а вместо грядок на огороде – катушка, и, конечно, печка, её тепло, треск поленьев и необычайно тёплые уютные зимние вечера. В школе тоже особая атмосфера. Вместо городских батарей в классах печки, традиционный школьный звонок заменил колокольчик, и сами ребята простые, открытые, дружелюбные. Многие живут в Орде, вырастили детей, теперь воспитывают внуков.

Во время моего зимнего пребывания в Орде случился мой день рождения, и деда с бабусей мне устроили этот праздник: бабуся накрыла стол, испекла торт, я пригласила своих друзей соседей – Люду Мишарину, Володю и Таню Мальгиновых. Было вкусно и весело. В доме был самодельный проигрыватель (его собрал дядя Коля), я привезла с собой из города пластинки, среди которых была «Летка-енька». Тогда она только входила в моду, в городе уже танцевали. Что я сделала! Я научила ребят, и мы паровозиком прыгали по комнате! Потом долгие годы деда с бабусей вспоминали, как мы плясали.

Я благодарна судьбе, что родилась в Орде (мама в то время заканчивала университет), здесь мои корни, здесь дом моих дорогих деда и бабуси, здесь живёт память, память моего детства.

Любовь Сергеевна Тюлькина (Батуева)

Воспоминания о детстве

Мое раннее детство прошло в д. Казаково (ныне ул. Гагарина), где мы жили по возвращении в 1955 году с Дальнего Востока. Там папа проходил переподготовку как офицер запаса. Семья на тот момент состояла из пяти человек: папа, мама и нас три сестры. Не мог отец смириться, что нет у него сына. Вскоре появился у нас братишка. Из Красного Ясыла приехала бабушка для помощи в ведении хозяйства. Жили дружно. Не слышали мы в детстве ругани, скверных слов, даже просто громких споров между взрослыми.

Дом наш был небольшой, зато большими был двор и огород с выходом на речку. Держали козу, кур, гусей, которые важно похаживали по двору, пугали нас своим шипением и вытянутой шеей. Не боялся только маленький братишка, который брал вицу и смело отгонял гусей от крыльца.



Семья Батуевых. Бабушка Парасковья Демидовна (1902), отец Сергей Андреевич (1924), мать Галина Георгиевна (1926), дочери Валентина (1949), Любовь (1950), Нина (1954), сын Юрий

Учились мы в Зареченской начальной школе с первого по четвертый класс. Учились хорошо.

Детей, с которыми мы дружили, по соседству было много. Это Вахрушевы, Кавардаковы, Хахилевы, Басановы и многие другие. Чаще собирались на поляне напротив нашего дома. Игнали в «пятнашки» «вышибалы», в мяч и другие игры.

С раннего детства нас родители брали за ягодами, за грибами. Привлекали к

посильной работе в огороде, по дому. Старшие опекали младших.

Позже мы переехали в Орду на ул. Советскую д. 7, где продолжались наше детство и юность, где закончили Ординскую среднюю школу. Старшая сестра Валя после окончания Кунгурского лесотехнического техникума по распределению уехала во Владивосток. Брат Юра окончил Пермский сельхозинститут, уехал в г. Ульяновск. Сестра Нина окончила успешно техникум им. Швецова в Перми, работала и живет в Перми. В Пермь вернулась и я после учебы в Ижевском механическом институте. Работаю на «ОДК-Пермские моторы».

Пройдя уже немалый жизненный путь, понимаешь ценность отношений в семье.

Вера Михайловна Рогожникова (Вахрушева)

Вахрушева (Федоровцева) Анна Матвеевна родилась в деревне Яковлевка Ординского (Уинского) района 24 декабря 1921 года. По окончании школы поступила в Кунгурское педучилище, которое окончила в 1942 году и была направлена учителем начальных классов в село Щучье Озеро Октябрьского района. Вышла замуж за военного офицера Угринова Афанасия. Его направили в 1946 году в Германию восстанавливать мосты. Там прожили до 1948 года, он заболел и умер. Мама уехала из Германии (г.Стендаль). С 1948-49гг мама работала в Межовской начальной школе учителем. Учила эвакуированных детей из Ленинграда. Проходила учёбу политпросвещения в Оханске. В 1950 году вышла замуж за папу Вахрушева Михаила Ивановича, который был родом из д. Климиха. Была направлена в РАЙОНО

с. Орды инспектором, где проработала с 1951 по 1958гг. С 1958 по 1971гг работала в Зареченской начальной школе учителем. Все её уважали, ученики любили. В 1973 году вышла на пенсию, на заслуженный отдых. 55 лет занималась воспитанием внуков и домашним хозяйством.

Соседями были Рахматова тётя Нюра, Кузовлевы, Мехонины. Со всеми мама была дружелюбна. Все советовались с ней. А наша семья состояла из четырёх человек. Двое детей –дочь Вера и сын Иван. Папа работал шофёром в колхозе. Мама любила петь песни, были застолья с родными и по праздникам. Хорошо, вкусно пекла пироги, шанежки, печенье. Наша любимая мама, бабушка имеет двух внуков и двух внучек, пять правнуков. У мамы есть награды государственного значения «Ветеран труда», «Ветеран тыла», а также грамоты. Мама умерла в 88 лет.

Наша семья ничем не отличалась от других семей. Я и брат учились в школе. Папа работал шофёром сначала в колхозе «Правда», потом в пожарной охране. Детство проходило интересно и весело. На каникулы ездили к бабушке. У меня много было друзей. Мы жили посередине деревни Казаково, позднее улицы Гагарина. С одного конца ребята были Валя Честиков, Семериков Вова, Таня Старцева, Меньшиковы Люба и Лида, Света Чуканова. Все бегали за деревней у реки. В пещеру ходили, купались. В лесу собирали ягоды, грибы. Ходили за грибами толпой по 10 человек. Нашим предводителем в лес была Анна Шляпникова, которая была старше нас. Брат Ваня младше меня на 6 лет, у него свои друзья.

Наши родственники Кузовлев Иван Иванович и Мария Васильевна. Их дети Игорь и Галина были моими друзьями. Мы с ними дружили семьями, часто собирались вместе. Когда у них появился первый телевизор, то смотреть приходили целой толпой. Вместе с Кузовлевыми отмечали все праздники. В Новый год обязательно ставили ёлку, делали подарки. В каждый кулёчек складывали конфеты и стряпаное печенье. Я дружила с Люсей Басановой, Томой Рахматовой. А самой близкой подругой была и осталась по сей день Люба Батуева. Мы не скучали, постоянно находили для себя занятие. Например, брали в колхозе лошадь и с ребятами Колей Сидоровым и Сашей Честиковым собирали металлолом и золу. Часто собирались у Томы Рахматовой. Во дворе были качели, мы по десять человек раскачивались на них и пели песни. Ещё играли в вышибалы на наших ямах - так называлась поляна. Не забывали помогать родителям: воду носили, поливали, пропалывали грядки. А летом все на речке!



*Анна Матвеевна
Вахрушева
(Федоровцева)*

Вера Алексеевна Сычёва (Зверева)

Светлые воспоминания



Зверевы Вера и Павел. 1962 г.

С высоты своего возраста, мысленно возвращаясь к прошлому, всегда хочется вспомнить что-то доброе и светлое из пережитого. И, конечно, оно связано с моей малой родиной. Это любимая деревня, которую не заменит ничто на свете, которая дорога всем, кто когда-то жил в ней. Особые чувства испытываешь к ней, потому что здесь родился, вырос и жил. И даже теперь,

когда живем в других городах и сёлах, все равно тянет сюда, в прошлое...

Я хочу рассказать о деревне Казаково, правда, сейчас она носит название улица Гагарина, и находится в составе села Орды. В Казаково мы переехали в 1963 году из маленького домика в Острожке. Мы – это мама Зверева Галина Павловна, папа – Зверев Алексей Иванович, брат – Зверев Павел, я – Зверева Вера и наша няня – Зеленкина Мария, которая жила у нас до того времени, как брат пошел в 1 класс.

По сравнению с маленьким домиком в Острожке этот дом казался очень большим: две комнаты, кухня, сенки, чулан и большой двор, в котором есть где разгуляться. Мама работала в семенной инспекции, а папа – в лесничестве. Я в 1963 году пошла в 1 класс Зареченской начальной школы, в которой проучилась четыре года. Моим любимым учителем была Ваганова Александра Карповна, благодаря ей я тоже стала учителем.

Это было прекрасное беззаботное время. Хотя у меня были свои обязанности по дому: принести воду, дров, подмести и вымыть полы, вымыть посуду, работа в огороде и так далее. Но несмотря на это хватало времени гулять с друзьями, которые жили рядом с нами. Это Кобелева Людмила, Мехонин Иван, Кавардакова Татьяна, Хахилева Вера, Мехонин Гриша, Мишарина Людмила и другие.

В летние каникулы мы организовывали разновозрастные отряды своей улицы, в которых занимались полезным трудом, проводили различные соревнования, турниры. А ещё мы распространяли (продавали) детские книги на нашей улице. Особенно активными покупателями были Шляпниковы (Нина и Борис), Степучевы (Вячеслав Алексеевич и Нина Александровна).

А еще мне запомнилось следующее: во время сезонных работ (посадка или копка картофеля) все жители улицы одновременно выходили в свои огороды и устраивали так сказать, «негласное соревнование», кто быстрее. Следить



Зверева Галина Павловна. 1975 г.

за соревнованием просто – заборов между огородами не было. Было очень весело.

Жили мы небогато, но и не бедствовали. На столе всегда молоко, творог, овощи, яйца, мясо, так как держали корову, телят, поросенка, кур. Обеды у нас готовил папа, так как он был поваром в армии. Особенно вкусными у него были котлеты, оладушки, макароны по-флотски, тыквенная каша. А еще помимо основной работы у папы было,

так сказать, своё дело: он катал валенки, уменьшал в размерах или растягивал уже готовые. Какие они были мягкие, лёгкие, тёплые! Мы с братом ему помогали перебирать шерсть, бить её. Больше таких валенок, как не стало папы, я уже не носила.

Во время моего детства и юности не было компьютеров, да и телевизор являлся редкостью, но родители всегда выписывали газеты и журналы: «Звезда», «Сельская жизнь», «Верный путь», «Пионерская правда», «Работница», «Комсомольская правда», «Крестьянка». Вечерами мама читала вслух интересные статьи, новости.

В нашей семье никто не умел шить, а у моей подруги Люды Мишариной бабушка шила прекрасные вещи. Как мне хотелось тоже иметь такие! И вот однажды летом ее бабушка сшила мне такой же костюм, как у Люды, радости моей не было предела. Огромное ей спасибо за это. Я и сейчас вспоминаю её добрым словом.

На нашей улице жили очень душевные и простые люди, с которыми я очень любила посидеть на лавочке и поговорить, это бабушка и тетя Люси Кобелевой, Кашина Анна Федоровна, Мехонина Анна Ивановна, Степанова Анна Ивановна, Зыкова Таисья Андреевна, Трясцына Мария Ивановна, Мальгинова Дина Николаевна, Мишарина Елизавета Григорьевна и другие.

Многих уже нет в живых, нет в живых и моей мамы. В нашем родном доме живет брат со своей семьей. А мне часто снится мое Казаково, мои родители, и на душе становится грустно и в то же время тепло от нахлынувших воспоминаний.



Зверев Алексей Иванович. 1967 г.

Лидия Антоновна Квашина (Меньшикова)



Меньшиковы Антон Иванович и Ксения Ивановна с сыном. 1950г.

Мой отец, Меньшиков Антон Иванович, родился в деревне Казаково в 1925 году. У его родителей Ивана Гавриловича и Ирины Григорьевны Меньшиковых было шестеро детей: пятеро сыновей и дочь. Двое их сыновей Семён и Сергей пропали без вести во время Великой Отечественной войны. Мой отец, Антон, был самым младшим в семье. Он тоже воевал, был трижды ранен.

14 февраля 1946 года отец, Меньшиков Антон Иванович, расписался с моей мамой Меньшиковой (Астафьевой) Ксенией Ивановной. Мама во время войны работала трактористкой, а было ей тогда всего 15 лет. После того, как она вышла замуж за отца, местом её работы стала больница. Работая санитаркой в родильном отделении, тётя Сима (так её все звали), оставила о себе

память своей добротой, заботой, сопереживанием, отношением к каждой, как к самому близкому человеку. Всех родившихся мальчиков она называла Костями, а девочек – чуланными выгрузками.

В семье Меньшиковых родилось четверо детей: Лида, Миша, Сергей, Фёдор. В каждой семье тогда было много детей. Все мы были дружные, весёлые. Вечером собирались за огородами, играли в футбол. Проводили время на речке, облазили всю Казаковскую гору, бегали до Каменного и Гробового озёр. Соседи дружили семьями, все жители деревни были как одна семья.

Г. Яхина

«Красоту уносят годы – доброту не унесут...»

Многие женщины, прочитав про неё, улыбнутся, вспомнив трудные, но радостные моменты в жизни – рождение детей. Некоторые, может быть, скажут своим уже взрослым сыну или дочери: «Это тётя Сима помогла тебе имя выбрать».

Сама Ксения Ивановна родилась в семье самой обыкновенной. Родители – рядовые колхозники. Три брата и она, единственная дочка, которую ласково в семье называли: Сина, Синочка, Синушка. А она, шустрая, голос звонкий, как колокольчик, всегда смеялась и шутила. Окончила 4 класса. Ксения Ивановна вспоминает, что в те годы всем трудно жилось. Когда война

началась, девушке было 14 лет. Послали в ясельки работать. Сама ещё ребёнок, а уже присматривала за малышами, кашу и похлёбку им тоже сама варила.

Как только посевная началась, забрали девушку из яслей, поставили поваром на полевой стан. А потом закончила 3-х месячные курсы трактористов и всю войну проработала на тракторе. Силёнок порой не хватало, жалела, что родилась маленькой и хрупкой.

В мае 1945 года вдруг всех созвали на митинг в Орду. Оказалось - война закончилась. Радости было! Плакали, смеялись, целовали друг друга. А председатель говорит:

- Давайте, девчонки, в поле, посевная всё-таки.

Всю дорогу ехали, песни пели.

Отец Ксении с войны вернулся, а старший брат погиб на фронте.

Сразу после победы Полина Филипповна Шляпникова позвала девушку работать в больницу нянечкой в родильное отделение.

- Как тогда надела белый халат, так и работала на одном месте почти четыре десятка лет, не искала, где лучше, - рассказывает она. Я удивляюсь энергии, юмору этой невысокой приветливой женщины. Я говорю искренне и с полным на то основанием:

- Какая Вы ещё молодая!

Она отшучивается:

- Да будет Вам! Лени много стало, всё больше полежать охота. Но, знаете, из прошлого помню всё. Она начинает рассказывать, и понимаешь, что даже самые незначительные события оставляли глубокий след в её душе:

- Однажды женщина, родившая мальчика, никак не могла придумать имя сыну. Я зашла в палату, принесла ребенка кормить и говорю ей, возьми своего Петюнчика. Ох, и повозмущалась мамаша: «Какой-то Петюнчик, не надо мне это имя!» А через некоторое время встречаю её в магазине, игрушки покупает. «Вот, Ксения Ивановна, Пете машинку купила, - говорит она. - Не хотела так его называть, а оказывается - самое хорошее имя для сына».

Был случай, когда совсем молоденькая девчонка не проявляла к новорожденному ребёнку никаких чувств. Принесла я его в палату и начала рассказывать о своих детях, какие они становятся, когда подрастают, какое богатое у них воображение, чувствительное сердце. И твой малыш вырастет большой, будет опора тебе в жизни. Посмотри, какой чудесный у тебя ребёнок, самый красивый! Ты ещё им гордиться будешь - поверь!

Через два дня, когда пришла на дежурство, вижу - девчонка та глаз со своего малыша не сводит, наговаривает с ним.

Всякое было в жизни Ксении Ивановны. Но ни одного нареkania за плохую или некачественную работу не слыхала нянечка ни от главного врача



*Меньшиковы Ксения Ивановна, Сергей, Лида,
Фёдор, Антон Иванович*

больницы Кривоноговой Людмилы Владимировны, ни от акушерок, ни от рожениц. А благодарностей, и устных, и письменных, - множество.

С мужем, Антоном Ивановичем Меньшиковым, познакомилась в клубе на танцах. Один раз только и проводил до дому. Через месяц сыграли свадьбу. «Золотой мой» и сегодня, вспоминая о нём, говорит

пожилая женщина. Четверых детей вырастили супруги Меньшиковы: трёх сыновей и дочку. И никаких с ними особых проблем, пока росли, не было.

Рано ушёл из жизни супруг, только 62 года ему исполнилось тогда. А она его очень любила, жили душа в душу, под стать ей, весёлый был, шутил много.

Сама Ксения Ивановна умела слушать, разделять чувства, сострадать горю и радоваться чужому счастью - так говорят о ней те, с кем она работала. Необъятным богатством души, ответственностью перед Богом и людьми за детей, которым много лет помогала появиться на свет, обладает эта маленькая женщина. Может, поэтому роженицы в знак благодарности хотели оставить ей что-то на память, какое-нибудь рукоделие, к примеру, вышитые гладью наволочки на подушки. Многих матерей, их ребятишек, появившихся в роддоме за время её трудовой деятельности, из Медянки, Ясыла, Межовки, Орды и других населённых пунктов помнит Ксения Ивановна.

Дети у К.И. Меньшиковой замечательные. Она гордится ими. 10 внуков и 4 правнука - вот какое сегодня богатство у бабушки Симы.

В канун Дня пожилых людей хочется пожелать этой душевной женщине крепкого здоровья и такого же оптимизма ещё на долгие годы!

Верный путь. – 2010. – 1 окт.

Людмила Андреевна Кобелева

Мамин отец, мой дедушка, Бердников Василий Спиридонович, 1900 года рождения, жил в Казаково и работал пекарем на Ординской пекарне. В 1941 году призван на фронт. Погиб в бою 20 марта 1945 года. Похоронен в Латвии.

Родилась я в Красном Ясыле. Родители Андрей Андреевич и Валентина Васильевна Кобелевы, достроив дом в Казаково, переехали на новое место

жительства, когда мне исполнился один год. Поэтому Казаково, а позднее улица Гагарина, - моя малая родина.

Ребятишек было много, и мы вечерами играли в разные игры: старики-разбойники, 7 записок, волейбол и т.д. Дома мы держали корову, куриц. Моя обязанность, впрочем, как и других ребят, - встречать живность вечером. Наша корова была бодливая и, когда я не могла с ней справиться, мне помогала Таня Кавардакова. А вечером – прогулка перед сном. Ложились все поздно.



Люда Кобелева, Серёжа Шубарин. 1961 г.

Мы помогали родителям окучивать картошку, поливать огород. А ещё короткими летними ночами вместе с взрослыми ходили с колотушкой, охраняя улицу от пожара. Всё свободное время проводили на улице. Зимой катались на катушке. Визг, писк! Приходили домой как сосульки, родителям приходилось стаскивать с нас одежду. Летом гурьбой купались в речке ниже водопада.

Запомнились все, кто жил на нашей улице. Анна Ивановна и дядя Лёня Степановы с детьми. Анна Ивановна работала в паспортном столе. На месте, где теперь стоит дом отца Сергея, жили Хахилевы – Анна Георгиевна (старшая медсестра больницы), её родители и дочь Вера. Вера была нас постарше. Мы вместе ходили с кружками на гору за клубникой. На горе жили Мальгиновы. Виктор Павлович преподавал музыку в школе, тётя Дина работала на почте. Через стенку с ними жили Мишарины, с их дочерью Людмилой мы учились в одном классе. Также в доме на горе жили педагоги Михайловы. Мама училась у них в Ординской школе вместе с их дочерью Фаиной. С Михайловой Фаиной Александровой они были не только одноклассницы, но и подруги. Проживала в Казаково семья педагогов Степучевых с дочками. В конце улицы жили Бондарь тётя Дуся с дядей Колей. Тётя Дуся работала в магазине «Одежда», муж в колхозе. Рядом с нами жили Бутуевы. Тётя Галя работала в универмаге, дядя Серёжа в колхозе. Потом в этом доме жили Зверевы. Галина Павловна работала в семенной инспекции, дочь Вера - учитель математики. Наискосок от нас жила Алябушева Ульяна Спиридоновна, няня в яслях. Также помню семью Кузовлевых – родителей Галины Ивановны Накаряковой.



*Фаина Александровна Михайлова,
Валентина Васильевна Кобелева, ...*

Жили на нашей улице Шубарины,
Мехонины, Вахрушевы, Первушины.

Автобиография

Я, Кобелева Валентина Васильевна, родилась 9 ноября 1935 года в д. Казаково Ординского района Пермской (Молотовской) области, в семье рабочего (в анкете от 16.08.1954 года - крестьяне). В 1943 году поступила в первый класс Зареченской начальной школы, по окончании её училась в Ординской средней школе. 1951г вступила в комсомол, была отрядной вожатой. По окончании школы (июнь 1953) работала в Ашапской средней школе на замене декрета, затем во 2-Ключиковской и Красноясыльской школах учителем немецкого языка. В связи с переездом в с. Орда полтора года работала в районной библиотеке

зав. передвижным фондом. С 1959 года работаю в Ординской средней школе, сначала в качестве учителя немецкого языка, а с 1961 года учителем русского языка и литературы.

Семья состоит из 4 человек. Муж работает в Ординской ср. школе – преподаватель истории и директор, дочь – ученица этой же школы, свекровь.

Ирина Вячеславовна Мальцева (Степучева)

Мой дедушка по отцу, Степучев Алексей Васильевич, родился в 1898 году в деревне Ковалёво Ординского района. До Октябрьской революции занимался земледелием, крестьянин-бедняк. В 1930 году он вместе с женой Степучевой Ариной Тарасовной и моим отцом Степучевым Вячеславом Алексеевичем, 1928 года рождения, переезжает в деревню Казаково. Здесь у них родилась дочь Анна (1934 год) и сын Юрий (1939год). Дед работал служащим районных организаций, в начале ВОВ был призван в Советскую Армию и демобилизован в 1945 году. После войны работал агентом Министерства заготовок. Бабушка была домохозяйкой, она была очень верующей. В доме, по моим воспоминаниям, висело много икон, бабушка читала церковные книги.

Наш папа закончил техникум физкультуры в 1948 году в г. Молотов, работал учителем в Красном Ясыле, заочно поступил в 1949 году в



Семья Степучевых. 1950 г.

Учительский институт на исторический факультет, но в 1950 был призван в ряды Советской Армии. Был командиром танка, секретарем комсомольской организации роты, с ноября 1952 года служил в органах контрразведки. После демобилизации вернулся в родную деревню, женился в 1956 году на маме, Козюковой Нине Александровне. Всю жизнь

они прожили в Казаково. Оба были учителями, работали в Верх-Кунгурской школе (отец был директором), мама учителем русского языка и литературы. Каждый день пешком в любую погоду ходили на работу. Позднее оба работали в Ординской школе, мама несколько лет инспектором в районо. Папа последние годы работал в СПТУ, потом в колхозе «Правда» инспектором по технике безопасности.

В д. Казаково родились мы с сестрой и жили там до окончания Ординской школы. Когда мы были маленькими, родители купили нам фильмоскоп, тогда это была большая редкость. Мы вешали белую простынь на стену и по вечерам смотрели диафильмы с соседскими ребятами. Сейчас я своим внукам показываю этот древний, но рабочий фильмоскоп, даже диафильмы сохранились. Ещё в нашей с сестрой комнате висела большая карта мира, и мы играли в города и страны, знали все государства и их столицы. Отец любил и очень хорошо играл в шахматы, привил эту любовь нам. Мы и сейчас играем с внуками.

Мама с папой очень любили чтение, у нас была отличная библиотека дома. Любили «тихую охоту», копать в саду, ездили на рыбалку, брали нас с собой. Отец увлекался фотографией, мама вышивала и вязала крючком, а еще стряпала вкуснющие пирожки - посикунчики и картофельные шанежки. В детстве мы много времени проводили на улице: катались зимой с Казаковской горы на санках, лыжах, сестра каталась на пруду на коньках. Летом собирались на поляне на перекрестке между дорогами (теперь ее там нет), играли в вышибалы, пионербол, волейбол. У нас была большая дружная компания, у всех ещё младшие братья и сестры, которые, как хвостики, ходили за нами. Мы очень любили ходить с «колотушкой» дежурить по ночам. Тогда это было принято: летом дежурить по очереди хозяевам каждого дома, чтобы не было пожаров. Это было счастливое время, хотя

иногда случались какие-то проблемы, но вспоминается сейчас только хорошее.

После окончания школы мы поступили учиться в ВУЗы: я стала учителем немецкого и английского языка, вышла замуж, живу и работаю в Сиве. Моя сестра Татьяна стала экономистом, тоже вышла замуж, живёт и работает в Сиве в МФЦ администратором.

Людмила Михайловна Маринцева (Бердникова)

Наша семья Бердниковых жила на самом берегу пруда, и вся жизнь семьи связана с прудом. Папа, Бердников Михаил Степанович, родом из деревни Арсёновка. Мама, Анна Васильевна, родом из деревни Пискуны. Они поженились в 1952 году и сначала жили в доме у моста на первом этаже. Там раньше была мельница. Зерно уже не мололи на моей памяти, а вот свет вырабатывала. Во время разлива реки весной вода ночью затопила их жильё. Они тогда едва спаслись. Моя бабушка по маминой линии, Чупина Наталья Дмитриевна, после распада деревни Пискуны купила дом на два окна в Казаково и стала жить с семьёй дочери.

Семья была большая: мама, папа, бабушка и 8 детей. Александр, один из детей, умер в год от коклюша. Мама была награждена медалью «Мать героиня». Жили, конечно, тяжело, скромно. Но никогда не голодали, были одеты, обуты. Нас вырастила бабушка, потому что родители работали. Мама летом на кирпичном, а зимой на крахмальном заводах. Папа работал мастером в быткомбинате, был секретарем партийной организации. Мама с бабушкой втайне от отца окрестили в Куриловской церкви моего младшего



Семья Бердниковых

брата Толю. За это папу исключили из партии, уволили с работы. Последнее время он работал в столярной мастерской. Папа был большой мастер по дереву: строил дома, лодки, делал мебель. От него всегда пахло деревом, я часто бывала у него там. И теперь, услышу запах свежего распиленного дерева - всегда его вспоминаю. Семья у

нас была дружная, работающая, все от мала до велика трудились. Держали скотину: корову, поросёнка, телёнка, кур, гусей, овец.

Бабушка хорошо стряпала, утром всегда на завтрак перед печью пекла шанежки наливные, блины, оладьи, капустники, лапшу с колобками. Печь у нас была большая, на пол - избы. Ставила чугуны ведёрный супа, на второе картошка, шти (каша из перловки), запеканки картофельные, морковные, капустные, каши. Чайник чая с шиповником, морковью.

Папа был большой грибник, всегда очень много солили грибов. Хороший рыбак - всегда в доме была рыба: карпы, окуни. Мы, ребята, всё лето ходили в лес за земляникой, клубникой, малиной. Осенью заготавливали много черёмухи: сушили её и потом варили кисель из черёмухи, а также готовили картофельный, гороховый кисели. Когда выростала капуста, мыли, вымачивали (бучили) в пруду деревянную бочку. Потом в бане на каменке нагревали железяку и опускали в бочку с водой, чтобы не было микробов. А потом всей семьёй начинали солить: рубили целый день капусту в бочке, в конце делали сверху пластовую. Стояла дома, квасилась три дня, а потом выносили в сени и морозили. Всю зиму на столе была капуста. Собирали в лесу рябину, вешали на чердак и зимой ели так и стряпали пироги.

Утром мама доила корову и уходила на работу, а я отводила в стадо корову и овец. Потом шла рыбачить. Ловила пескарей, светлушек, усанов (последних я боялась и помогал снимать с крючка сосед дядя Ваня Щербинин, он управлялся и ходил с утра по воду на пруд). Я относилась к соседке тётке Клавье Меньшиковой, она давала за это 10 копеек. Потом я носила молоко в бидоне в Орду на сдачу. У кого была корова, должны были сдавать по 3 литра молока каждый день. Киоск находился на углу парка напротив Дома культуры. Там измеряли жирность и записывали. Покупала на 10 копеек, вырученных за пойманную рыбу, мороженое в бумажном стаканчике и лимонад. Это была радость. В Орде тогда делали мороженое, лимонад, петушки, конфеты-карандаши, кисели. Производство было налажено в здании, где располагалась также типография (в одном из домов купцов Рудаковых).

Папа у нас был очень строгий, он никогда не кричал, но одного взгляда было достаточно, чтобы успокоить расшалившихся. Когда мы были маленькие, то кушали всегда все вместе за большим столом из одной большой чашки. Если кто-то начинал плохо себя вести за столом, папа молча ложку оближет и - по лбу. Наступала тишина. Потом, когда подросли, многое поменялось.

Летом и зимой мы жили на пруду. Летом купались, катались на лодке. Ребята наловят раков, на берегу на костре сварят в ведре, всех накормят. И ещё, конечно, Казаковская гора. Там мы пасли коров, коз, собирали ягоды. Играли в войну. Ребята - белые и красные, а мы, девочки, медсёстры в

госпитале лечили их. Зимой лыжи, санки, хоккей. Всю зиму на пруду чистили каток и играли в хоккей. У нас были одни коньки, а до меня было три брата. Мне они не доставались, но меня часто ставили в ворота, когда не хватало игроков.

Жили тогда дружно, помогали друг другу. Кто-то привёз сена машину - бегут на помощь. Мужчины с вилами, женщины с граблями. Другие привозят - бегут все туда. И отдыхали тоже вместе: справляли дни рождения, праздники. Это было моё счастливое детство.



*Бердниковы
Вася, Миша,
Коля, Люда,
Тома, Саша*

Владимир Басанов Из детства

Слышу, как из далёкого детства
Родиола в окне дяди Яши
Предлагает домам по соседству
Новый шлягер для улицы нашей.

Этот двор под навесом из клёнов,
От пруда рыбьим запахом тянет,
Здесь не знают мазурок-чарльстонов,
Только твист или шейк возле бани.

Молодёжь напряжённо танцует,
Мы мешаемся им под ногами,
Карпыч «Север» в сторонке закурил
И занялся своими сетями.

Летний вечер сгущается к ночи,
Стало небо пурпурное синим,
Надоело орать что есть мочи
Радиоле про тот синий иней.

Вот тогда за сарайчиком старым,
Молодёжь соберется гурьбою,
Где опять, как вчера, под гитару
Слёзно песни блатные завоют.

Нет ни дома того, ни сарая,
Многих нету из жизни тогдашней.
Ночь. Не спится. Но слышу - играет
Родиола в окне дяди Яши.

Нина Ивановна Первова (Ищук)

В деревню Казаково мы переехали в августе 1960 года. Наша семья состояла из шести человек: папа, Ищук Иван Дмитриевич, 1929г.р.; мама, Любовь Фёдоровна; бабушка по маминой линии Васса Васильевна Кобелева, уроженка деревни Голухино, и дети - Нина, Лида, Коля.

В папиной семье было пять братьев и сестра. Их отец и старшие братья: Лаврентий, Василь, Олександр ушли воевать. Папу, его брата Антона, 1932г.р., с мамой Матроной выслали из села Верба, Ровенской области. Переселенцев привезли в Челябинск, затем отправили на ст. Пашия Горнозаводского района. Лагерь находился в лесу. Жили в бараках. Валили лес, заготавливали дрова. Питание было скудное. Не выдержав условий содержания, от тяжёлой работы и постоянного недоедания умерла их мама. Похоронили её возле лагеря на небольшом кладбище. Позднее, в 70-е - 80-е годы, папа ездил на это кладбище, пока оно не заросло лесом и травой. По весне набирали из переселенцев на посевную в колхозы. Так они с братом оказались в деревне Рубежево Ординского района. Из документов была справка на его имя, уехать по такому документу он никуда не мог. Работы не боялись, ведь дома, в селе Верба, у них было большое хозяйство. Сеяли и пахали. Держали лошадей, коров, мелкий скот.

По приезду в Рубежево братья работали и в поле, и на ферме, а также отец учился на тракториста. Жили на квартире у пожилой женщины, помогали ей. Вернулся с Великой Отечественной войны живым только Лаврентий. В 1959 году он разыскал нашего папу и Антона. Умер Лаврентий в 2005 году.

Папа заболел, ему сделали операцию. Работать в колхозе он не мог. Поступил в типографию мотористом. Вечером иногда возвращался поздно. Идти до дома далеко. Вот тогда и пришлось менять место жительства. Так мы оказались в деревне Казаково. Названия улиц не было. Наш дом был третий по берегу от дороги. До этого мы жили на Одине, что между Подзуево и Рубежево. Причина переезда - далеко от работы и школы.

Мама работала в швейной мастерской техничкой. В садик мы не ходили. Бабушка была самой лучшей нянькой: и накормит, и сказку расскажет, и поиграет, и спать уложит. Позднее мы ей помогали стряпать, печь хлеб, ткать половики. Мука была серая, но пироги с картошкой и луком, черёмухой, рябиной были самые вкусные. Летом помогали в огороде, ходили по ягоды, грибы, пасли коров, овец. Дома всегда была бабушка или мама, было всегда что поесть. Когда папа работал в типографии, он в день полочки приносил большой кулёк, сделанный из серой бумаги, сладостей. Каждый раз мы ждали этот день и встречали отца с большим восторгом.

Речка перед домом протекала неширокая. Две доски, лёжки -мосток готов, и ты на другой стороне. Я, когда училась в Зареченской школе, во время перемены успевала сбегать по этим переходам домой, перекусить и



Стоит слева – Ищук Иван Дмитриевич

вернуться обратно. В пойме реки ходили куры, поросята, телята, овцы. В 1965 году начали ремонтные работы ветхого моста. Руководил стройкой Кашин Леонид Иванович, участник ВОВ, инвалид. Был очень энергичный и добрый сосед. После ремонта моста вода стала заполнять пойму. Чтобы укрепить берег, по краю садили деревья. Появились плотики, с них брали воду для хозяйственных нужд. На всю улицу было три колодца. Большая вода дала свои плюсы – появилась рыба, плавали утки, а гусей осенью огромное количество. Крики птицы, шум воды, уха, сваренная на берегу реки, или запечённые раки – всё это осталось в памяти.

В 1964 году умерла бабушка, и тогда стало грустно и тяжело. Наш объём работы по дому увеличился. В 1968 году родился брат Сергей. Папа работал водителем в больнице. Видя, что семья растёт, он задумал строить новый дом. Основной дом привезли из деревни Епиши, сделали прируб. Стройка отнимала всё свободное время. В 1975 году мы переехали в новый дом, с улицы Запрудной на улицу Леонова. Тогда уже были улицы.

Работа работой, но и про праздники не забывали. Собирались летом на берегу с гармошкой, балалайкой, песнями. На столах чего только не было: огурчики, грибочки, капуста, пироги, домашний квас, мясо из русской печки. А запах какой от этих яств стоял!

Зимой застывший пруд дарил столько радости! Санки, коньки, лыжи – всё было в ходу. Не успеешь снять – уже брат надел лыжи.

В 1979 году началась очередная стройка для брата. Папа обещал поставить дом, а внутренние работы оставил брату Коле. По возможности помогали

ему, конечно. В конце 1981 года стройку закончили. Отдохнуть папа мог только зимой. Летом сенокос, стройки.

- Хороша зима, на печке можно полежать! – говорил он.

В 1993 году папа начал очередную стройку – дом для себя на улице Гагарина. В 1997 году стройка закончилась, и они с мамой переехали. В старом доме поселился брат Сергей. Вся жизнь прошла в работе, стройках. Умер папа в 1999 году в возрасте 70 лет. По документам из с. Верба он родился 17.04.1929г, а по паспорту 29.09.1929г.

И хоть давно уже нет деревни Казаково, мы и сейчас частенько говорим: «Поедем через Казаково по берегу».

Людмила Васильевна Чугаева (Мишарина)

Три тополя как символ родины

Казаково. Когда-то эта деревенька была самостоятельной и, пожалуй, самой географически ближней к селу Орда. Разделяла их только речка Ординка.

Наша семья появилась в Казаково в конце 1965 года. Причиной переезда с нажитого места стали хрущевские реформы по укрупнению территорий, а точнее ликвидация Уинского района. Работать стало негде, и на семейном совете было принято решение переезжать. Куда? Рассматривалось 3 варианта: Октябрьский, Чернушка, Орда. Решились поехать в Орду. Хотя решение о любом переезде было непростым. В Уинском обжились, за 5 лет отстроили надворные постройки в полученном двухквартирнике. Благодаря народной «помочи» поставили баньку, конюшню. Раскорчевали огород. Жизнь налаживалась. И вот такой неожиданный поворот...

Переезжали без меня. Я проходила лечение в Полазненском санатории. Папа забрал меня в конце декабря, накануне Нового 1966 года. Так я оказалась в Казаково, на ул. Гагарина, 34-2. Хотя улица Гагарина появилась чуть позднее. А первые поздравительные открытки были подписаны нашими родственниками таким образом: с. Орда, Казаково, 3-й дом от реки, Мишарину В.И. – и ни одна из них не пропала, все нашли своего адресата.

Новое место жительства было тоже двухквартирником. В соседней квартире жили Мальгиновы. Стали обживаться. Кроме небольшой квартиры с печным отоплением, не было ничего. Разве маленькая сарайка. И дощатый туалет.

А жить как-то надо было. В магазинах лишь серые макароны да крупы. За коими стояли в очередь с тряпичными мешочками. Решили завести живность. Начать решили с козы. Об этом прослышал мамин начальник из райсобеса Старцев Степан Данилович:

- Что, Григорьевна, у тебя мужика нет что ли? С коровой не справитесь?

Так у нас появилась кормилица Дельна - огромная бурая корова с шершавыми губами. К этому времени была утеплена опилом сарайка, закуплен корм. И она в течение нескольких лет давала нам вкусное молоко и все молочные продукты. Правда, и трудиться приходилось до пота. Во-первых, пасти коровушку в стаде приходилось по очереди, раз в месяц. Обычно это делали мы с бабушкой Сашей. Самое трудное было для меня встать в половине шестого. Густой туман окутывал Казаково, утренняя прохлада бодрила, но сон все равно сковывал глаза, очень хотелось спать (ложились - то не раньше 12!). С огромными вицами собирали коров у каждого дома и гнали на Казаковскую гору. День казался мне бесконечным, тянулся медленно и тягуче. Гора в те годы была абсолютно лысой, не было на ней ни одного дерева, лишь глубокие воронки и ямы создавали нам трудности с упрямыми коровами. Они имели свойство забираться куда-нибудь, надо было вовремя выгнать и проследить, чтобы животные не покосились на колхозные посеы.

Но вот наконец-то наступал вечер, и мы с бабушкой гнали стадо домой. Радостные, усталые и довольные: все коровы живы, невредимы, накормленные и напоенные в озёрах. На месяц можно было выдохнуть.

Особой трудностью был покос, запас кормов на год. Первые годы давали косить только неудобницы. По вечерам родители выезжали на своем «Юпитере» с закутанной косой в сторону Подзуюево, Епиш или Подавих. Мама брала в руки литовку и начинала косить. Когда-то родители сомневались: брать ли им корову. И не зря. Папа с перебитой на Курской дуге правой рукой не мог делать тяжелую физическую работу. Инициативу брала мама, она и дрова колола, и с косьбой управлялась. А подсохшее сено грести папа возил нас с бабушкой Сашей. Так после 5 класса меня научили сгребать сено в валки. А потом таскать к копнам.

Кормить и поить коровушку тоже было непросто. Ближайшая вода была в колодце, что в соседнем огороде у бабы Иры. Запомнилось, как зимой мы таскали эту воду на коромысле. По узкой тропочке, между сугробами. Колодец казался мне очень глубоким. Огромная бадья на железной цепи с шумом шлепалась в воду и надо было очень постараться, чтобы вытянуть её с водой. Железная бочка на кухне вмещала 6 вёдер. Значит, сходить по занесенной огородной тропинке предстояло как минимум 3 раза. Часть согретой воды уходила на поило скотине, часть на еду и хозяйственные нужды. Когда была стирка, потребности в воде удваивались.

И всё-таки несмотря на эти бытовые трудности, коровка была нашей настоящей кормилицей. Молоко не переводилось, на столе всегда были творог и сметана. Излишки даже соседи забирали. А каждое воскресенье я просыпалась от вкуснейшего запаха шанег. Мама с бабушкой колдовали на кухне. Это был целый ритуал. Поставить квашню с вечера, приготовить

картошку. Соблюсти пропорции в приготовлении начинки. Помазать яйцом и сметаной. Повести маслом. Вовремя поставить в печь и вовремя достать! Но какие же безумно вкусные получались эти шаньги - картофельные и творожные! Такой вкусной стряпни я не пробовала больше нигде!!! Неслучайно в нашем доме не переводились гости.

Гости были у нас постоянно. Приезжали папины и мамины братья и сестры. География их проживания была различной - Уинск, Платошино, Октябрьский, Свердловск, Оренбург. Приезжали родственники из Шарынино. Оттуда же часто бывали земляки, кому-то в больницу



*Мишарины
Елизавета Григорьевна и
Василий Иванович*

надо было, кто-то проездом останавливался. Каждое лето у нас гостила Наташа, моя двоюродная сестра. Любила приезжать бабушкина племянница Нюра из Кизела. С собой у нее была торба с рукоделием, и она обучала бабушку новым технологиям в изготовлении ковриков. До сих пор во дворе лежат эти круглые яркие вещицы. А я только недавно стала задумываться, где же мама размещала гостей. Ведь в нашей маленькой квартирке жили ещё две бабушки.

По воскресеньям к нам часто приходили военком Мальцев с женой Шурой.
- Мы на шанежки идём, встречайте! - с порога громко говорила Шура.
- Проходите, проходите! Шаньги у нас на столе, - встречала их улыбкой мама.

А папа лез в каземат (так он называл подполье) и вытаскивал наливку из ягод. Застолье без неё не представлялось... Каждому гостю были рады. Каждого встречали теплом и накрытым столом из простых, нехитрых блюд.

Запомнилось, как в семье отмечали праздники! Соседи Мальгиновы были музыкальной семьёй и, когда перед Новым годом или 8 Марта у нас появлялась компания, мама 3 раза стучала в стенку. Этот стук означал приглашение. Через 5 минут Виктор Павлович с баяном и тётя Дина были у нас. И начиналось веселье! Начинали с гимна Орды: «Село Орда, река Ординка». Потом пели «Калину красную», и «Катюшу», другие застольные песни. Когда градус нарастал, просили Василия Ивановича спеть романс «На Ординском зеркальном мосту». Это был коронный номер! Ну, а потом шли частушки и пляски. Острые каблучки тётя Дины выделявали такие пируэты, что порой щепки летели из дощатого пола. Умели в то время как работать, так и отдыхать...

Другое настроение было в компании накануне Дня победы. Вспоминали эпизоды военных лет. Пели «Бьётся в тесной печурке огонь», «На безымянной высоте». Анна Ивановна Степанова уливалась слезами, у папы тоже глаза становились влажными.

А как мы любили играть на улице! Помню наши первые игры с Верой Зверевой. Нам по 9 -10 лет. Лето. Солнце. Мы выходим к тополям в проулке. С куклятами. Не с большими куклами, а именно с куклятами. И начинаем строить у тополей дома-квартиры для этих куклят. Выстраивались кухни, коридоры, комнаты с разной утварью. Куклята выносились с одеждой и мебелью, которая делалась своими руками. Сколько творчества и выдумки было в этой игре! И три тополя были местом наших частых встреч.

Любили играть мы и с Ларисой Балугоевой. Каждое лето она гостила у дедушки и бабушки Михайловых – наших соседей напротив. К этому времени у нас были большие коробки-дома для куклят. И мы с наслаждением обшивали этих кукол из разноцветных лоскутков. Придумывали разные фасоны одежды, а оценку нашему творчеству давала Лена Михайлова, тётя Ларисы. Она часто сидела за машинкой и была для нас главным экспертом в шитье и дизайне.

Когда мы стали старше, где-то после 5 класса стали собираться в проулке у тополей и берёзы вечерами. Компания была большой: братья Саша и Серёжа Кавардаковы, Вера Хахилева, Коля Трясцын, Таня и Вова Мальгиновы, Лариса Балугоева, Юра Батуев, Люда Кобелева. Играли в разные игры: лапту, вышибалы, классики, тише едешь – дальше будешь, море волнуется раз...

Это сейчас дети незаметно исчезли из дворов, теперь они играют в компьютерные игры или благовоспитанно проводят время в специально организованных детских клубах. Вместе с детьми исчезла культура дворовых игр и дворовая социализация (со всеми её особенностями). И если малыш ещё можно встретить на площадках под присмотром родственников, то школьников не видно почти совсем.

Нас было не загнать домой! Расходились затемно. Мы пробирались с Наташей в чулан, где спали на топчане. И рассказывали друг другу разные истории. Наташа была старше меня на год, жила в Свердловске, а потому была зачастую главным авторитетом во многих вопросах. Как же нам было интересно с ней! Говорили обо всём, делились сокровенным, не спали до 2-х часов. А утром баба Саша едва поднимала нас в 10-11 со словами:

- Девки, да уж вставайте, солнышко высоко!..

И мы радовались, что впереди у нас яркий солнечный день, поход на пруд купаться, поездка за ягодами. Хотя последнее не всегда вызывало положительные эмоции. Комары и мошки одолевали, когда папа привозил нас на мотоцикле на лесную поляну и давал задание:

- Вот вам двухлитровая банка, надо насобирать в неё земляники. Ну, если бы кружку! Или пол-литровую банку! И мы с Наташей, отбиваясь от назойливых мух и комаров, принимались наполнять эту банку! Она казалась нам бесконечной. Но часа через 2 всё-таки наполнялась ароматными, душистыми ягодами...

Казаково останется в моей памяти навсегда. Эти морозные трескучие зимы с топящимися печками и дымом из труб. Эти жаркие летние каникулы, когда мы неделями не вылазили из пруда. Это весеннее половодье, когда Ординка выходила из берегов, сносила лавы, именно так называли переходы, соединяющие Казаково и Орду. Эта золотая красивая осень, когда мы возили грибы из окрестных лесов большими корзинами. Здесь я выросла. Отсюда я уезжала учиться в Пермь. Здесь я вышла замуж. И где бы я ни жила, я с теплотой и какой-то щемящей грустью вспоминаю тебя, Казаково. А когда прихожу в проулок, где когда-то стояли три тополя, у меня учащённо начинает биться сердце...

Мария Ивановна Шадринна (Басанова)



*Басановы Иван Степанович и
Елизавета Владимировна*

Детство у нас было спокойным и счастливым. Мы всегда были с мамой. Папа работал слесарем топливной аппаратуры на МТМ к-за «Правда». Уходил на работу рано и приходил вечером.

Утром мы просыпались от вкусного запаха с кухни. Мама очень старалась накормить нас вкусно и почти каждый день разными обедами. Картошка и макароны, приготовленные в русской печи были очень вкусные. Пирожки, оладушки, запеканки – да всего и не перечислишь. На обед был суп из диких уток или картошка с мясом. Мелкая рыба (светлуга, пескарь) запечённая с яйцом. А на праздники были особые обеды. Заяц тушёный в большой глиняной жарёхе с крупой. Пирог из карпа в полстола, который за один раз и не съедался, очень вкусная нижняя корочка оставалась на

вечер. А огурчики, капуста квашеная, грибы из большой деревянной бочки. Вкусно! Ещё готовилось блюдо – называется заварухой. Это заваривалась пшеничная мука (с ординской мельницы) и запекалась на чугунной сковородке в русской печи. В середине ложилось сливочное масло. А шанежки... особенно вкусными были «наливные», без картофеля.

Объединение! После завтрака мама отправляла нас четверых гулять на улицу, а сама занималась домашними делами.

Особенно запомнилось наступление весны. Утром, на проводах у окна щебетали скворцы, а в ограде с навеса, покрытого соломой, капала вода и шёл вкусный хлебный запах. Тёплый воздух шёл волнами. Значит, весна наступила. В ограде всегда у нас были качели, а в огороде «клетка» или комната, где мы играли (готовили обеды, мыли пол, посуду). Делали всё, как мама. Когда подросли, помогали маме по хозяйству. Старшие брат с сестрой жили в городе. Сестра училась в Пермской с/х академии. Брат после армии женился и остался там, где служил. Для нас всегда было большим праздником, когда они приезжали в гости. В доме наводился идеальный порядок. От чистки вилок и ложек, до мытья окон и полов. А сестра и брат всегда радовали нас подарками, которых в деревне и не купишь.

Мама всегда говорила, что на улицу мы смотрели только из подворотни. Ну, а став побольше, уже баловались вовсю. Могли зимой прицепиться за сани трактора и прокатиться. Катались на лыжах с гор, не зная, что внизу, снег скрадывал все ямы, а потом выбирались оттуда.

Ещё запомнился запах нового года в начальной школе. Это запах ёлки и снега. В школе было печное отопление, прохладно, но мы одевались в костюмы снежинок и туфельки. Подарки на новый год были незабываемыми. Особенно хорошие конфеты были в подарках у папы с работы.

А какая тишина была на улицах. За день редко 1-2 машины проезжали. Кругом зелёная трава. Став побольше, ходили в лес за грибами, за ягодами. За малиной ходили в с. Журавлёво, за 8 км, встав утром в 5 часов с соседкой шли за малиной. Мама редко с нами ходила. Дома всегда было хозяйство: козы, поросята, куры. Собрав ягоды, останавливались в д. Маслаевка на речке отдохнуть. Вода в речке была очень вкусная, как из ключа.

Ещё такой случай. Родители уехали в Свердловск, навестить брата. А нас одних оставили. Мы уже учились в старших классах. Я выхожу в огород, а там сестра с подругой стоят и заливаются смехом.

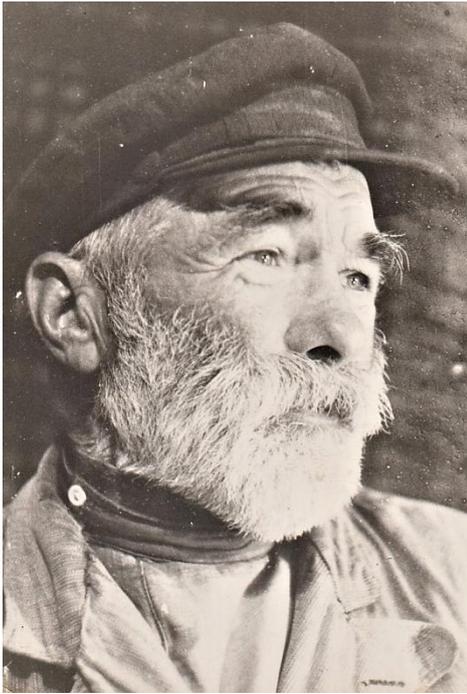
- Вы чего здесь, а в школу? Они говорят: - А мы сегодня в школу не пойдём! Когда я была маленькой и не хотела идти в школу, мама меня в конюшню хотела посадить, пришлось идти в школу.

Накормив нас обедом, мама всегда спрашивала: «Наелись ли мы?» Мы трое девчонок говорили «я наелась». Володя брат вслед за нами говорил, я тоже наелась. Если мы смеялись, то получали от него, хоть он был и меньше нас. Но кулачки у него были очень острыми и сильными.

В нашей деревне дома зимой почти все были под снегом до крыш. И только была прочищена тропка от калитки. В снегу детвора строила катакомбы, ходы-выходы. Домой приходили в негнущихся варежках и штанах, руки в холодной воде отогревали, их даже ломало от холода.

Василий Петрович Шляпников

Моя малая родина



*Шляпников
Пётр Иванович. 1965 г.*

Мой отец, Шляпников Пётр Иванович, 1907 года рождения, в 1940 году окончил годичные курсы в Троицком ветеринарном институте (Челябинская область) и получил профессию ветфельдшера. До учёбы он работал в колхозе, затем ветсанитаром в Ординской райветлечебнице.

Жили мы с мамой Шляпниковой Верой Николаевной в деревне Казаково (теперь ул. Гагарина с. Орда). А с января 1941 года стали жить в селе Опачёвка, где отец начал работать ветфельдшером в организации «Заготскот». В апреле 1941 родился мой брат Георгий, мне в это время было четыре года. В июле 1941 отец был мобилизован на фронт, а осенью мы с мамой переехали обратно в свой домик в Казаково. Недалеко, в заулке, жили наши дед и бабушка,

колхозники пенсионного возраста. У них был большой огород, двор, крытый соломой, корова, овцы и несколько кур. С их помощью мы пережили военное лихолетье. Мама по возможности работала в колхозе по найму, я помогал ей присматривать за братиком. Помню, как мама жала серпом рожь или пшеницу в удворной перемене. Это поле было за дворами, огородами деревни Казаково до лога. Сейчас здесь целый микрорайон с. Орды с детским садом на улице Ясная. Мама радовалась, когда бригадир Басанов Пётр Матвеевич давал распоряжение женщинам на уборку хлеба в удворной перемене. Я с братиком сидел на меже и плёл венки из васильков, чему научила быстренько мама перед началом жатвы.

С 1944 года мама стала работать в должности зав. районным архивом НКВД. Я пошёл в первый класс Зареченской начальной школы, а Георгия мама устроила в детский сад. В марте 1945 года умер наш дед, Шляпников Иван Яковлевич, от лёгочно-сердечной недостаточности (68 лет). А в апреле я простудился, лежал в больнице с воспалением лёгких. Мама очень переживала в этот период. 9 мая 1945 года меня выписали из больницы. А от отца ничего нет. В свой первый класс я больше не пошёл. Мама сказала: «Если отец с войны вернётся, успеешь выучиться». Её волновала проблема питания больше всего и здоровье наше.

Помню, как мама стояла во дворе на крыльчке вечером, смотрела на закат солнца и сказала, что он красный, потому что там идёт война, льётся кровь. Только редкие письма отца с фронта успокаивали нас на некоторое время.

Мама читала их вслух. Я запомнил на всю жизнь слова, которыми отец начинал свои письма: «Письмо на родину, родителям...» или «Привет из-за Дона...» и т.д. Я понимал, что мы живём все на Родине, здесь не страшно. А наши солдаты, наш папа где-то далеко... С конца 1944 года писем нам больше не приходило.

Наступил самый радостный, долгожданный день - 9 мая 1945 года. Война закончилась, а проблемы остались... Проблемы с питанием, обувью, одеждой. Летом помогала нам их пережить родная природа, урожай на огороде, ягоды на Казаковской горе, грибы в ближайших лесах, а также рыбалка на речке Кунгурке, на пруду, на озёрах.

Наступило лето 1945 года. Фронтовики, кто остался жив, в основном вернулись домой. Мама написала письмо командиру военной части, в которой служил отец, с вопросом, жив ли он. Пришёл ответ: «Ваш муж, Шляпников Пётр Иванович, жив и здоров. Сопровождает скот на родину и скоро вернётся домой». Хорошо помню эти слова. Вернулся отец домой в октябре 1945 года. А письма не писал почему? Он объяснил тем, что не надеялся, что останется жив. Был два раза контужен. Шли тяжёлые бои. Даже после Победы, пока он сопровождал скот, захваченный ранее немцами, до границы, беспокойно было на чужой земле.

Начались школьные годы. Я снова пошёл в Зареченскую школу в первый класс. Отец стал работать ветфельдшером сначала в с.Опачёвка, а затем в Орде, в ветлечебнице. По-прежнему было трудно с питанием, с хлебом, но было уже тепло в доме и на душе. Моей учительницей в Зареченской начальной школе была Михайлова Фавста Матвеевна. Я ей очень благодарен. Она прививала нам любовь к родному краю, стремление к учёбе, желание добиваться успехов в любом деле. Рассказывая о профессиях, она спрашивала, кто кем желает стать. Когда до меня дошла очередь, я сказал – учителем.

Затем я продолжил учёбу в Ординской средней школе у прекрасных учителей. Щербинин Александр Семёнович, участник ВОВ, учил по арифметике, был классным руководителем с 5 по 7 класс; Громаковская Янина Викторовна - учитель русского языка и литературы; Паутов Григорий Иванович, участник ВОВ, - учитель физкультуры и военной подготовки; Михайлов Александр Матвеевич, учитель литературы в старших классах и другие.

В 1948 году в 1 класс Зареченской школы пошёл брат Георгий. Уроки мы с ним учили при керосиновой лампе. Когда в 1954 году в школу пошёл наш младший «послевоенный» брат Миша, уже провели электрическое освещение от местной электростанции до 12 часов. Потом и радио стали слушать. Мне особенно нравилось слушать, когда передавали русские народные песни, лирические, военные. Помню, на Казаковском пастбище

пасли стадо коров с Виктором Кашиным и напевали песню «Ехал я из Берлина по дороге прямой. На попутных машинах ехал с фронта домой». Мы радовались, что наши отцы вернулись с фронта. Благодаря прекрасным учителям и нашим родителям в то трудное послевоенное время мы с братьями успешно окончили школу, я и Миша на 4 и 5, а Георгий с золотой медалью. Все трое получили высшее образование, покинули родительский дом.

Исполнилась моя детская мечта – стать учителем. Я работал в Суксунском СПТУ № 69. Более 40 лет своей жизни посвятил делу воспитания и профессиональной подготовки кадров механизаторов сельского хозяйства, в том числе и для Ординского района.

Давно уже нет в живых наших родителей и младшего брата. Мы с Георгием дожили до преклонного возраста. Периодически встречаемся, регулярно разговариваем по телефону. В сентябре 2015 года он с женой Людой приезжал на нашу малую родину. После окончания КАИ они проживают в городе Саров Нижегородской области. Ветераны труда, имеют государственные и отраслевые награды, звания. На Ординском кладбище поклонились могилам наших родных, близких, знакомых. Проходя по улицам Орды, её окрестностям, фотографировались у знакомых с детства мест. Наш заулочек стал неузнаваем. Сейчас здесь начинается улица Леонова. Дом № 1, где мы жили после возвращения отца с войны, отремонтирован, расширен. А мы вспоминали прежнюю крестьянскую избу на три окна с широкими лавками, русской печью, полатями и голбцем. Вспоминали тех, кто жил в нашем Казаково в послевоенный период. Теперь живут здесь их потомки или чаще другие люди, как и в нашем родительском доме, и в доме деда и бабушки. Старые дома, постройки преобразились. Много новых домов, целые улицы появились. А сколько зелёных насаждений, садов, как в центре Орды, так и в её окрестностях!

Батя и бабка. Дед, Шляпников Иван Яковлевич из крестьянской семьи, родился 10.09.1878 года в д. Казаково Ординского района Пермской области. Дед отслужил в царской армии девять лет, был уланом. В первой мировой и гражданской войнах не участвовал. После службы вернулся домой, служил некоторое время на почте ямщиком. Женился 28 лет на моей бабушке Шляпниковой Федосье Никандровне. Они были однофамильцы. Построил дом на усадьбе своего дяди Стёпы. Дом у дяди Стёпы был ветхий. Дед с бабкой, пока строили свою избу, жили в нём, точнее в землянке. В 20-х годах перешли в новую избу, которая впоследствии стала моим, нашим родительским домом до 1984 года.

После революции 1917г. дед жил своим крестьянским хозяйством. Имел землю, лошадей, другой скот. Во дворе дома было две конюшни и амбар, на огороде стоял ещё один амбар. Дом и надворные постройки (ограда) были

крыты ржаной соломой. Такая кровля в то время была на многих крестьянских домах. Перед коллективизацией в 30-х годах у деда было 2 лошади, корова, овцы и необходимый крестьянский инвентарь. Хозяйство считалось середняцким. Дед и мой отец в 30-х годах вступили в колхоз. У деда во дворе остались телега, соха и кожаная сбруя – всё остальное было отдано в колхоз вместе с двумя лошадьми.

По характеру дед был очень вспыльчивый. Домашние боялись его строгого взгляда. Но он очень любил нас с Георгием – своих внуков. В молодости дед и его брат Дмитрий были физически здоровые, крепкие мужики. Бабка нам рассказывала уже после его смерти, что в драках, которые в то время бывали, он не уступал никому. И лишь однажды ему крепко досталось, когда он оказался один против семерых.

По религиозным праздникам дед с братом и сестрой ходили в гости один к другому, бабушка ходила в церковь. Праздники сопровождалось угощением пельменями и спиртным. Беседы братьев и сестры были всегда уважительные и доброжелательные, без разногласий и ссор. Бабка рассказывала, что по праздникам, бывало, соберутся братья у одного или другого, выпьют в течение дня четверть водки (это 5 штук нынешних бутылок 0,5), побеседуют, попоют песен, поедят пельменей и один другого провожают до дома. О том, чтоб на другой день дед, его брат, а потом мой отец опохмелились, не было и речи. Дед мой курил. А вот дядя Митя, по моему, нет. Табак в то время был только свой – самосад, очень крепкий.

Я помню деда уже в пенсионном возрасте, в колхозе он уже не работал, страдал «удушьем», кашлял, тяжело дышал при ходьбе. Последнее время работал «на каланче», отбивал время (часы) в колокол, сохранившийся на бывшей церкви. Но скоро и эту работу выполнять не смог.

У моих родителей до моего появления было четверо детей. Все умерли в возрасте от 1 до 3-х лет от простуды в детских колхозных яслях. Дед ругал как мог колхозных воспитателей за халатность. Я помню, как он проявлял заботу о нас с Георгием, когда началась война, приносил что-нибудь из продуктов. Я, бывая у него, помогал плести лапти. Во время войны батя с бабкой по договору с колхозом из Уинского района содержали постоянный двор. Из деревень Н. Сып, В. Сып и др. к нам временами заезжали татары для ночлега. Двор был большой, а изба маленькая. Кони размещались во дворе свободно. А люди спали вповалку на полатах, на полу. А хозяева на печи. Помню чаепития приезжих людей – весёлого седого Азимбая и хмурого, чёрного Талипа. Нас угощали мёдом, черёмуховым киселём. Выпивали обычно по 2 ведёрных самовара (до 10 человек). Таких дворов в деревне было несколько. Из дальних районов люди ездили на конях в Кунгур через Орду, наше Казаково. Здесь они ночевали, кормили лошадей и дальше ехали.

Моя бабушка была на 7 лет моложе бати. В молодости, говорили, была очень красивая. Она была неграмотна совершенно, религиозна, соблюдала все христианские обряды, посты, посещала церковь, знала много молитв и нас учила им. По её требованию мы не могли перед едой сесть за стол, не перекрестившись перед иконами в переднем углу. То же надо было сделать и после выхода из-за стола. А если забывали, она напоминала очень спокойно: «А Бог-то где?» Не разрешала провести в дом радио, пока была жива. Мне не разрешила быть пионером и очень недовольна была, когда я вступил в комсомол.

Прожила она тяжёлую жизнь. Из её братьев я знал лишь дядю Пашу. У него от первого брака были сын Георгий и дочь Таисья. Жена его рано умерла, и он взял в жёны молодую няню. Звали её Анной. В деревне все её звали Пашурихой, хотя она долго жила после смерти дяди Паши с другим, дедом Фёдором Паутовым. Своих детей у Анны Пашурихи не было. Но внуков д. Паши и даже нас она любила, а мы её уважали. Бабушка с Пашурихой и т. Тасей жили очень дружно, особенно после смерти бати и дяди Паши. Они помогали одна другой управляться с огородами и др. работами. А позднее эти добрые отношения с Пашурихой и дедом Фёдором сложились и у моих родителей.

Моя бабушка была маленького роста, рано ссутулившаяся от тяжёлой крестьянской работы. От зари до зари работала в колхозе и управлялась со своим хозяйством. После войны ей было уже 60 лет, и она работала только сторожем у колхозных складов. У бабушки было много детей, но кроме первого (нашего отца) и последнего (дяди Андрея, 1925г.р.) в живых никого не осталось. Умирили в младенческом возрасте. Её уважали в деревне за скромность, душевность, трудолюбие, доброжелательное отношение.

Торговля семечками. В Орде был организован госпиталь в здании школы. Я видел раненых бойцов, которые гуляли по селу: кто в бинтах на голове, кто на костылях, кто без руки. А один был без обеих рук. Я видел, как он зубами за ручку открывал дверь в чайную, распахивая её головой. Я испытал тогда впервые чувство жалости к страдающему человеку.

Как-то осенью мама дала мне мешочек с подсолнечными семечками и велела продать в Орде по 1 рублю за стакан. Мне было тогда уже 7 лет. Торговля шла медленно, пока не подошла группа солдат из госпиталя. Не помню, что они говорили, что-то вроде шутили между собой. Но когда стали давать рублёвки за семечки, стало стыдно брать деньги у раненых солдат. Купили двое или трое по стакану и стали делиться горсточками с остальными. Я не выдержал и сказал: «Дяденьки, возьмите лучше у меня, бесплатно» и высыпал за спасибо в карманы всем по стакану. Они ушли, и я сразу же с остатками семечек в мешке и с несколькими мятыми рублёвками в кармане побежал домой, ожидая выволочки от мамы за такую торговлю.

Но она поняла моё состояние и торговать семечками больше меня не посылала.

Отец. Анализируя прожитую отцом жизнь, пришёл к выводу, что она была такой, что трудно сохранить здоровье. С самого детства тяжёлая крестьянская работа. И как следствие – перенесённая операция. Грыжа. Затем работа в колхозе. Опять физические перегрузки, нерегулярное питание. Опять операция - язва желудка. Война. Разве не унесла она его здоровье? Две контузии. Четыре года на передовой линии фронта. После войны радость возвращения и горесть жизни. Мизерная зарплата, семья 6 человек. Постоянная забота о том, чтоб все были сыты, обуты и одеты. Деньгами распоряжался сам. Не скупился, но очень расчётливо вёл финансовые расходы. Экономил на всём. Курил самые дешёвые папиросы, махорку или «самосад». К праздникам покупал или бутылку дешёвой водки за 21р.20коп (реже «Московскую» за 25р.20к.) или 2 бутылки «Портвейна» или «Вермута». Сахар был для нас лакомством, но в праздники отец давал нам денег на 100г. конфет или урюка. За чаем отец сам давал нам по кусочку сахара или по ложечке сахарного песка – сыпал на стол. Мы макали кусочком хлеба в песок и пили чай. Отец следил за нашей обувью, требовал беречь её. Покупал летние ботинки, а к зиме заказывал катальщику валенки, своевременно их подшивал. Мама шила на нас всю одежду, покупала материал и шила, или перешивала что-нибудь старое. Штаны, рубахи, пиджаки, шубы – всё это она шила на нас и даже на отца. Я вырос из своих вещей, мама шила новые, Георгию часто приходилось донашивать мои обноски, а то, что становилось маловато ему, доставалось Мише.



Шляпниковы Василий, Вера Николаевна, Пётр Иванович с внуком, Михаил, Георгий. 1962 г.

У отца была компания, с которой он иногда, по большим праздникам, встречался. Несколько деревенских мужиков собирались у кого-нибудь и играли в карты (в мушку) на монеты, начиная с 1 копейки и до 20 коп, а иногда на спички.

После ремонта дома родители купили корову, маленькую Черню. Были в хозяйстве и куры. За лето каждый год вырастал телёнок на мясо. Иногда выращивали поросёнка. Вроде бы жить можно при наличии огорода и покоса. Но было несколько «но». В те времена имеющим корову надо было сдать в обязательном порядке, кажется, 300 л. молока в год. Каждый вечер мы носили на приёмный пункт летом по 2-3 л. молока, пока не выполним план, сдавали и яйцо, и мясо. А огород обрезали до 12 соток, покоса не стало, так как хозяином стал отец, а не бабушка. Он не был колхозником. Сельский совет отводил покосы по 25 соток на хозяйство за д. Ковалёво. Но сена с такой площади и для козы мало. Вот опять отцу приходилось ломать голову, как прокормить корову. С трудом заготавливали солому (яровую для корма, ржаную для подстилки). Нужен был транспорт для вывозки дров, сена, соломы. В лес рубить дрова и на покос мы часто ходили пешком за 10 и более км. Работал он с 9 ч. утра до 6 ч. вечера. Выходной день был только по воскресеньям. Отпуск 12 дней. Вот в таких условиях, бесхитростно, честно отец наш жил, работал и воспитывал нас. Любили его за отзывчивость, добросовестность и за уместную шутку.

«Провожают гармониста в институт». Наступило лето 1955 года. Позади экзамены, выпускной вечер в родной школе. Поставлена цель поступить на мехфак сельхозинститута. Какую бы работу я ни делал в эти дни, учебник у меня всегда был под рукой.

А вечерами, в сумерках, выходил за деревню, где собиралась молодёжь. Играли в волейбол или вставали в круг и играли в мяч, стараясь не дать упасть ему на землю. А когда совсем стемнеет, Валера Зелёнкин, живший на краю деревни, приносил гармонь. Играть он не умел, только пытался научиться. А я уже умел тогда играть и «улошную», и частушки, и вальсы, и фокстроты, и танго, и музыку многих песен. Я играл. А остальные танцевали. Делая маленькие перерывы, я танцевал с девушками без музыки, чаще с Катей, которая охотно меня «водила» и «кружила». Смеялись, шутили, балагурили. Собиралось нас пар 5-6. После танцев ходили парами из конца в конец деревни. Я играл, а девчата пели частушки, которые передавались из поколения в поколение. Сколько они их знали!

Спал я летом во дворе, за амбаром на старой телеге, завешанной самотканым пологом. Матрац мама набила сухой осокой, которой было много за нашим огородом. Раз в год осоку в матраце меняли. Зимой спали на нём на полатах. На телеге мы спали обычно вдвоём с Георгием. Позднее он облюбовал место на амбаре, а Миша – в амбаре. Часов в 12, в час ночи я

приходил домой, забирался на телегу. Там было оборудовано освещение от батареек и лампочки от карманного фонарика. Незаметно закончился июль. Сданы экзамены в институт, пришёл вызов на учёбу. До первого сентября я отдыхал от учебников. Днём работал по хозяйству, ходил за грибами в лес, а вечерами гулял последние дни. Накануне отъезда решил не ходить вечером, а лечь пораньше и хорошо выспаться. Только забрался на свою телегу, слышу разговоры около амбара. Прислушался.

- Если ты сам не выйдешь, вместе с телегой вытащим, - расслышал я негромкий девичий голос. Оказывается, они приготовили мне проводы. Разучили песню: «На деревне расставание поют, Провожают гармониста в институт...»

Прошлись по деревне в один конец, попели частушки, потом пошли обратно. Стали подходить к бывшей нашей палашиной хибаре и девчонки запели дружно эту песню. Я не ожидал. Под конец гуляния девчата ещё раз спели эту песню, я подыграл на гармошке, отдал её хозяину, попрощался со всеми и пошёл проводить до дома Катю. Домик стоял на берегу пруда у старой кузницы. Постояли, поговорили, помечтали. Не хотелось расходиться. Разошлись, пожав друг другу руки, даже не поцеловавшись. Даже не обещав писать друг другу письма, потому что почтальоном работала моя мама. А дружба наша была в секрете. Так закончилась моя деревенская молодость.

Луиза Яковлевна Шляпникова

Деревня Казаково делилась на две части: Верхний конец и Нижний конец. С Ордой Казаково соединялось мостом (переходами дощатыми) через речку Ординку. Ещё один мост был через речку Кунгурку из Казаково в Заречную. Назывался этот мост Казаковским. У Казаковского моста стояло здание, которое мы называли мельницей. Там пилили лес и вырабатывалось электричество. Под мостом летом купались, даже была нырялка. Наш двухэтажный дом находился возле речки и был в улице последний. В настоящее время этого дома нет.

Мои родители: Шляпниковы Яков Васильевич, 1919г.р. и Анна Константиновна (в девичестве Безукладникова), 1915г.р.

Родителей отца, моих бабушку с дедушкой, звали Пелагея и Василий. У них было три сына: Василий, Пётр, Яков (мой отец) и дочь Мария. Бабушка Пелагея была родом из В-Кунгура. Помню её богатые наряды: красивые сарафаны, платки и шали, пояса. Бабушкин младший брат в Верх Кунгуре был священником, об этом мне рассказал папа. Два их сына Василий и Пётр, погибли на войне. Бабушка очень плакала, когда приходили похорожки. Папу взяли в армию в 1939 году. Его не было дома почти шесть лет. Дедушка работал в колхозе пчеловодом. Когда мне было пять лет, я дня четыре жила

с ним на пасеке. Потом мне там надоело, запросилась домой. Забрала меня с пасеки тётя Маруся, папина сестра. Дедушка умер, когда я училась в первом классе. У него отказали ноги. Лечили, но не помогло. Бабушка прожила без него пять лет.

Пока дедушка работал в колхозе, у нас был большой огород. Сажали много картошки, гороха, моркови, свёклы, капусты, огурцов, репы, брюквы. Брюква вырастала белая, сочная и вкусная. Из гороха в пост варили кашу, а из гороховой муки - кисель. Бабушка выращивала подсолнухи, а также семена моркови, свёклы, капусты. Потом торговала на базаре семенами и семечками подсолнуха. Семья держала корову, овец, кур. Бабушка нальёт в глиняный горшок молоко, даст ему постоять, чтобы образовалась жирная плёнка (устой), затем поставит в печь. Молоко перетопится - вверху получится пенка с молоком. Когда молоко остынет, пенку с маслом снимают и используют вместо сметаны. Овец стригли, из шерсти делали валенки, пряли нитки и вязали носки, варежки. Во время войны мы не голодали. Я запомнила сусек, полный муки. Бабушка пекла хлеб, пусть и не белый, но хороший, без примеси. Заготавливали целую кадущку капусты на зиму. Лишних овец и барашков кололи на мясо. Из баранины варили суп. В обед на первое был бульон жидкий с крошеными кусочками хлеба. На второе – суп с мясом. Ели из общей чашки деревянными ложками. Если во время еды ногой стукнешь по столешнице, можешь получить ложкой по лбу. Но, в общем, дедушка был добрый. Он был рыжий, и борода была рыжая. Впрочем, и мама была рыжая.

Мама, Анна Константиновна Шляпникова, работала в Ординской библиотеке, находящейся в то время на нижнем этаже церкви. В помещении было холодно даже летом. Позднее библиотеку перевели на верхний этаж. Так как было постоянно холодно в помещении, мама часто простывала. И как итог – заболевание туберкулёзом, инвалидность в 40 лет и смерть в 47 лет.

Папа вернулся с войны в 1945 году. Помню, мы с мамой спали в чулане и слышали шум, плач в доме. А ещё запомнила, что сижу на лавке и смотрю на него. После войны мама родила троих сыновей: Василия, Петра (названы в честь погибших на войне папиных братьев) и Александра. Папа работал в типографии директором, наборщиком, в военкомате конюхом. В молодости был заядлый футболист, играл, был судьёй на матчах. Участвовал в художественной самодеятельности. Ему доверяли главные роли в постановках пьес на сцене Дома культуры. У нас с ним не было тёплых отношений, я не чувствовала отцовской любви. Ведь всё моё детство прошло без него, наверное, поэтому мне казалось, что он относится ко мне как к чужой. Жили мы бедно. Папа часто выпивал. Скотину уже не держали. Была корова, но в тот, 1953 год, мама родила Сашу, а папа сломал ногу. Сено мы

не заготовили, корову пришлось заколоть. Так и остались без кормилицы. Мама купит килограмм мяса, разрежет на кусочки и понемножку добавляет в суп. Огород, правда, был, но уже небольшой, потому что после смерти дедушки колхоз землю убавил.

Папина сестра Мария, в замужестве Тимофеева, с мужем Алексеем и тремя детьми жили на нижнем этаже нашего дома. Двое их детей умерли молодыми, остался один Серёжа.

Когда мама умерла, отец женился второй раз. Но прожили они недолго. Потом женился третий раз. Взял женщину из Павлово. У Клавдии тоже было четверо детей, уже взрослых, семейных. У меня к этому времени была уже своя семья.

Мне рассказывали, что во время войны на нижнем этаже жили эвакуированные, которые подарили мне куклу. Я долго с ней играла. Бабушка однажды рассказала маме о моей сообразительности: «Вот Лузе сказала, что не дам хлеб вам. Как будете жить? Она ответила, что пойдёт просить милостыню. Придёт ко мне, попросит, и я кусочек обязательно подам!»

Бабушка была верующая, меня учила молитвам. Из-за того, что мама работала в библиотеке, я была некрещёная. Когда мне исполнилось 11 лет, я сама попросила бабушку окрестить меня в Куриловской церкви. При крещении мне дали имя Людмила, так я захотела.

Училась я в Зареченской начальной школе, которая располагалась у речки Кунгурки, на другой стороне от нашей деревни. Учились в школе ребята из Казаково, Банного, Арсёновки и Заречной. Зимой в классах было очень



*Шляпниковы
Александр,
Анатолий, Луиза,
Анна.
Тимофеевы
Леонид и Мария.
Коноваловы
Степан и
Людмила.
Дети:
Кихаев Вася,
Коноваловы
Вова и Миша,
Шляпниковы
Вася и Саша,
Тимофеев Сергей.
1966-67 гг.*

холодно, даже чернила замерзали. При школе был участок земли, на котором сажали картошку. Мы её копали. К праздникам в школе готовили обеды. После окончания начальной школы продолжила учёбу в 5«в» классе Ординской школы.

Мне приходилось нянчиться с братьями, стирать пелёнки, сделанные из старых поношенных вещей. Последние два брата родились летом. Принесёшь грязные пелёнки на речку, замочишь в воде, придавив камушком, а когда отмокнут – прополощешь. Когда подросли, всех троих брала с собой, когда шла к подружкам. В деревне про нас говорили: «Идёт утка с утятами». В 14 лет приходилось стирать на всю семью. Полоскала на речке. Ладно летом, а зимой руки от холодной воды замёрзнут, потом их так ломит! Вечерами, будучи подростками, собирались вместе и ходили по деревне, пели частушки. Я была запевалой. Устраивали игры в волейбол за деревней. Для этого поставили два столба, натянули две верёвки - вот и сетка.

В Казаково жили переселенцы: болгары, украинцы. Мы дружили с их детьми. В Казаково жила мамина сестра Зелёнкина Александра или, как я её звала, тётя Шура. У неё росли дочь Людмила и сын Валерий. Муж погиб на фронте. После войны она вышла замуж за болгарина Степана Кихаева, жившего с мамой и дочерью Татьяной. В браке родился сын Василий. Тётя Шура жила с мамой, то есть с моей бабушкой Александрой. Бабушка была очень религиозная, её приглашали читать по умершим. За это её арестовали и посадили в тюрьму (*Годы террора. Книга памяти жертв политических репрессий. Ч.3 Т.1. – Пермь, 2003. – С.210*). Я на второй день после её ареста пришла к ним домой и увидела на заднем крыльце, разбросанные по земле и разорванные книги. В тюрьме она вскоре умерла. Надзиратель рассказала, что в этот день было пасмурно, шёл дождь. А бабушка умерла со словами: «Какое солнышко встаёт»! Это мне рассказала мама, Анна Константиновна. А о маминем отце я ничего не знаю.

Летом работали в колхозе - помогали убирать сено, на жатве. Комбайны таскали тракторами, а мы с подружкой стояли на площадке комбайна и нагружали зерном мешки из бункера. Мешки сбрасывали на землю, их подбирали молодые парни и грузили на телеги. Телеги с зерном на лошадях отвозили на стан, там ссыпали, а пустые мешки снова привозили нам. В школе осенью, в начале учебного года, всегда отправляли копать картошку в соседних деревнях Климихе, Рубежеве, Беляеве. Помню, когда училась в седьмом классе, убирали картошку уже по снегу. Развели костёр, погреемся и снова копаем. В деревнях нас размещали по домам, выдавали продукты, и хозяйева готовили еду.

В школе я была хорошисткой. Правда, бывали иногда тройки по русскому языку, зато по математике всегда ставили пятёрки. Увлекалась лыжами, лёгкой атлетикой. После школы работала в школе делопроизводителем год,

затем год училась в училище при Беляевском сырзаводе на лаборанта и мастера по производству молочной продукции. По окончании меня направили в Грызаны мастером на сырзавод. Замужество, переезд в г. Кунгур, рождение детей, возвращение в Грызаны, учёба в КПУ, работа в библиотеке – это уже совсем другая история.



Любовь Михайловна Щербинина (Семерикова)

Мой тихий берег детства...

На левом берегу речки Кунгурки, сейчас Ординского пруда, располагалась когда-то небольшая деревенька Казаково, которая в 1966 году была присоединена к Орде. В состав деревни входили всего две улицы: одна на берегу речки, а вторая через проулок вдоль тракта до Банновского моста. В этой небольшой деревеньке прошло моё детство. Наша мама – Семерикова (Герасимова) Евдокия Ивановна родилась в д. Грязнуха. Когда ей было полтора года, мать вышла второй раз замуж и уехала в Соликамск. Дочку оставила в Казаково у своих родителей Шляпниковых, обещала позднее забрать. Первое время она приезжала часто, потом в новой семье родились двое сыновей, и дочь осталась у бабушки навсегда. Мама вспоминала, как долго-долго махала рукой, стоя у окна и плакала, когда её мать уезжала.

Росла мама вместе со своими дядями Михаилом и Григорием Шляпниковыми, которые её очень любили и нянчились с ней. Дядя Миша с улыбкой вспоминал: «Такая «зателёпа» (полненькая) была, все руки мне оттянула!» «Не обижайте её, она и так без матери растёт», - говорила бабушка своим сыновьям, а сама при этом плакала. Со временем воспоминания о матери ушли из детской памяти, и мамой она стала называть бабушку. Дяди выросли и уехали из родного дома, завели свои семьи.



Евдокия Ивановна Семерикова с бабушкой

Сразу после школы мама устроилась на работу в Ординский узел связи телеграфисткой и работала там до пенсии. Когда началась война, была на работе. Она вспоминала:

- Сначала всё было спокойно, обычный летний день, и вдруг объявили: «Война!» Сразу началась мобилизация: слёзы, сборы, военкомат переполнен.

Мужчин прямо из военкомата садили в машины и увозили. Жёны, дети и матери ждали их у ворот, чтобы попрощаться, а их вывозили через другие ворота. Родные бежали за машинами, плакали, махали вслед руками... и всё.

Во время войны на телеграфе, как и везде, было очень строго, шло много телеграмм, шифровок, большинство срочные, которые нужно передать немедленно. Бумаги не было, ручек тоже, поэтому записывали карандашом на оберточной бумаге, затем печатали морзянкой определёнными знаками (точка, тире). Каждой букве алфавита соответствует свой знак. Телеграфная лента, на которой печатались телеграммы с палец шириной. За смену такой ленты у стола была целая «гора», всё это полагалось наклеить на бумагу и передать адресату. Военком был строгий. Он сказал: «Не дай Бог, ошибёшься хоть одной буквой - сразу посажу!» Морзянку мама запомнила на всю жизнь. Я как-то спросила у неё: «Мама, ты всё ещё помнишь азбуку Морзе?» «Конечно, помню,- ответила она, ночью подними - всё напечатаю». А было ей тогда уже 90 лет. Свой дом бабушка оставила маме, в нём она и прожила всю жизнь.

Отец наш – Семериков Михаил Андреевич родом был из д. Арсёновка. Но я его помню смутно, только некоторые моменты: как сижу у него на коленях, или как он купил и принёс мне новые ботинки и портфель. Последние годы он работал завхозом в Ординской средней школе. В 1967 году мама осталась без мужа, а мы без отца: самому старшему Вове исполнилось 16 лет, Васе – 13 лет, Вале – 9 лет и мне – 7 лет. Когда мы с мамой шли к бабушке в Арсёновку, то бабушкина соседка тётя Паня Феденёва говорила: «Вон опять утка с утятами идут помогать». Прожила наша мама долгую (95 лет) и трудную жизнь: растила детей, держала своё хозяйство, огород, работала на почте и до конца оставалась очень простой, доброй и отзывчивой для всех окружающих её людей.

Детство у нас было, как и у всех в то время - босоногое, весёлое и счастливое, несмотря ни на что. Дружно с ребятами и девчонками купались в речушке, ловили усанов (гальянов), пескарей и светлушек. Затем бежали за

огороды, чтобы нарвать там охапки горчущек (горькая редька), гранатов и всей компанией расположиться со всем этим «богатством» где-нибудь у забора или на срубках. Приносили хлеб, соль и с аппетитом уплетали за обе щеки все запасы. Лазали по черёмухам, которые росли возле каждого дома, все знали у кого она самая сладкая. Ходили собирать землянику и клубнику на Казаковскую гору. Вечерами ребята постарше иногда жгли костёр за огородами и пекли печёнки, нас, младших, тоже брали с собой. Вкусно-то как было! Все мы чумазые, сытые и довольные! Старшие, когда становилось темно, начинали рассказывать всякие страшные истории, а мы сидели притихшие, от страха прижавшись друг к другу. В мыслях каждый мечтал скорее очутиться дома.

В шестидесятые годы, до образования пруда, речка Кунгурка, на берегу которой располагалась деревня Казаково, была неглубокой и неширокой. Два берега соединялись переходами. На том берегу по правую сторону бил ключик. Мы с Людой Бердниковой бегали с детскими голубыми ведерками с цветочком за ключевой водой на противоположный берег, возвращались и «варили» кашу для кукол. А однажды зимой, когда мы в очередной раз набирали воду, Люда бухнулась на спину в этот ключик. Лежит, смотрит на меня, не ревёт, но встать не может, и я поднять её не могу. Одежда и валенки промокли. Я сбегала и позвала брата Валю, он и спас маленькую «пловчиху», попутно не забывая нас ругать. А Люду дома ещё бабушка отругала и посадила на русскую печь отогреваться.

Самыми близкими моими подругами были Тамара Бердникова и Татьяна Решетникова. Играли в кукол, строили, как все дети, «клетки» (игрушечные дома). Приносили туда ненужную дома посуду и играли. А у Тани



Игнашины, Семериковы, Морозовы

Решетниковой каждое лето во дворе под сеновалом сооружали качели: перебрасывали две верёвки через перекладину сеновала, закрепляли на получившиеся петли доску. На этих качелях мы с удовольствием рассаживались, качались и пели разные песни. Я до сих пор помню эти песни, даже в свои шестьдесят с хвостиком иногда их напеваю: «Всё васильки, васильки - сколько их выросло в поле...»

Мои старшие братья Вова и Вася уже помогали маме по хозяйству, а в летние каникулы пасли на лошадах колхозные стада в д. Арсёновка. Там жила наша бабушка со стороны отца. Дома у нас тоже была корова, поросята, овцы, гуси, куры. За хозяйством, за огородом и за нами помогала ухаживать Накарякова Анастасия Николаевна (сестра нашей бабушки по отцу), которая жила с нами. Братья называли её Нюта, а я почему-то «кока». Меня, как самую маленькую, она любила больше всех и называла – «хрустально Ичко». Почему не знаю, наверное, потому что я была очень маленькая и худенькая.

Ещё помню, что по нашей улице из д. Верх-Кунгур ездил один дедушка на лошади с телегой и возил огурцы в заготовительную контору. Мы его всегда ждали, а он всех нас угощал огурцами. Мы с удовольствием ели, хотя дома у всех они росли. Дедушка был очень добрый. До сих пор помню его лицо и улыбку. В то время все люди были добрее, или жизнь у всех была трудная, или почему. Вот как-то бегала я на улице, подходит наша соседка т. Нюра Шляпникова и даёт мне маленький свежий огурчик, самый первый (дома своих четверо детей). Я взяла, сказала «спасибо» и пошла домой. Мне навстречу попал сосед дядя Лёня. Он был выпивши, присел передо мной и откусил почти весь огурчик. Я в слёзы, тётя Нюра меня услышала, вышла, успокоила и пошли с ней искать новый огурчик.

Вдоль всей улицы тянулась колея от лошадиных телег и всюду зелёная трава. После летнего тёплого дождика мы снимали сандалии и бегали по лужам. Лужи были чистые-чистые и тёплые. Сейчас после дождика холодно, а тогда сразу становилось жарко, а от воды шло испарение.

Гоняли по нашей улице огромные гурты колхозного скота из соседних колхозов в Кунгур на мясокомбинат. В это время мы старались спрятаться за забором или в срубках, которые почти всегда летом были на берегу. Кто баню новую рубил, кто конюшню. Все только услышат, что гурт гонят, сразу ищут убежище и наблюдают за огромным стадом из укрытия. Иногда сразу два стада гнали. Коровы шли тесно друг к другу, толкались, бодались. Всё это походило на «море» из красных и черных пятен.

Да, лето замечательная пора, но и зимой тогда мы не скучали. Снега наметало вровень с крышами домов, особенно в проулке, а проулок наш соединял обе улицы. Так старшие ребята в этих огромных сугробах вырывали ходы, и мы до самой весны играли в них, а с горки катались не на бубликах, как сейчас, а на фанерках. Катались и прямо с крыш домов, правда,

родители запрещали, гоняли нас, но мы всегда умудрялись это сделать. Домой приходили обледенелые сверху донизу, но довольные и счастливые. Главное, не простывали и не болели. Чуть-чуть отогревались и опять неслись на улицу.

Детей в Казаково было много, самых разных возрастов, старшие никогда не обижали младших. Жили очень дружно. Кто как одет, не обращали внимания, да и одевались в то время все одинаково. Летом – сандалии, кеды, у ребят сатиновые шаровары (моим братьям их шила Нюта), у девчонок ситцевые платья. Осенью и весной все в резиновых сапогах, зимой – пальто, фуфайки, штаны с начёсом, валенки. Носки и варежки сами вязали, сверху обшивали плотной тканью, чтобы были теплее, дольше носились. Все, счастливые, озорные и весёлые, играли в лапту, вышибалы, кондалы, чехарду, колечко, глухие телефоны и другие игры.

Стала историей наша любимая деревенька. В памяти она навсегда останется частичкой безмятежного, весёлого и счастливого детства, которое ушло безвозвратно. На тихие и милые сердцу улицы которой время от времени приводят нас воспоминания.

Владимир Басанов

Дом

Вот с работы я иду,
Вижу берег свой,
По замёрзшему пруду
Тороплюсь домой.
Сквозь вечернюю пургу
Яркий свет в окне,
Вылетает дым в трубу,
Пёс навстречу мне.
Быстро ощупью в сенях
Нахожу скобу,
Дети сразу на меня,
Лишь вошёл в избу.
У плиты стоит жена,
Будто на посту,
Пироги печёт она -
Запах за версту.
Сохнут детские штаны
Глыбой ледяной,
Пахнет за ухом жены
Красною Москвой.
Тёща вяжет мне носок,
Спицами стуча,

Да читает назубок
Сказку для внучат.
Куба, лежа под столом,
Пробует пирог,
Бусик об пол бьёт хвостом,
Лижет серый бок.
Я уселся за столом,
Вижу наяву -
Вечер, счастья полон дом,
Знать не зря живу.

Мчатся годы чередой,
Опустел наш дом.
И сегодня мы с женой
Здесь одни живём.
У детей уже своя
Куча ребятни,
Тёща древняя моя
Молится за них.
И даёмся диву мы -
Вот так чудеса -
Белый снег от той зимы
В наших волосах.



Владимир Михайлович Басанов

«Нам легче – над нами бомбы не свистят»



Во время Великой Отечественной войны моя мама Татьяна Ивановна Басанова трудилась в колхозе им. Шмидта, объединявшем деревни Банное и Казаково.

Правление колхоза находилось в бывшем доме Хлыгиных, чей дом и сегодня находится на улице Гагарина, на выезде из села в сторону Ашапа. В Казаково же располагался колхозный детсад. В Банновском логу был коровник, телятник и конный двор. Рядом, за Банновским озером, находился зерноток, склады и кузница.

С весны до осени мать трудилась в поле. Тракторов практически не было. Из Подзуевской МТС все исправные трактора забрали на фронт, а несколько старых тракторов не могли полноценно обрабатывать поля закрепленных за МТС ближайших колхозов из-за отсутствия горючего и запчастей. Лошадей тоже оставалось мало. Использовали даже быков. Но основной рабочей силой оставались женщины и подростки.

Выращивали пшеницу, гречиху, рожь, картошку и лён. Заготавливали сено и солому. Очень много было ручного труда. Косы да серпы, грабли да вилы – вот и вся основная механизация.

Зимой мама работала телятницей. Воду носили из проруби с Банновского озера. Грели её для телят. Раздавали корма – сено или солому – только вручную. Навоз вывозили на быке или впрягались сами по несколько телятниц.

Две зимы Татьяна Ивановна отработала на лесозаготовках на станции Чад. Туда и обратно нужно было добираться пешком и в осеннюю слякоть и в весеннее половодье. А это около сотни километров в один конец. В худых лаптях. Голодом. Работали как в Гулаге. Жили в огромных холодных бараках, где была одна печка посередине на сотню человек. Утром приходилось одевать непросохшую за ночь одежду и обуваться в сырые лапти. Без медицинской помощи умирали от болезней. Не имея опыта работы в лесу, некоторые погибали под падающими деревьями.

К концу войны от непосильного труда и постоянного голодания двадцатипятилетняя, маленького росточка девушка так ослабела, что её вынужденно направили работать нянечкой в детсад. Но и там был голод. Все

- и ребяташки, и взрослые - с нетерпением ждали весны, чтобы вволю наесться горчучками, крапивой и прочими травами.

За время войны ни разу мама не наелась досыта. Она мечтала, что после победы непременно вволю наестся белого хлеба.

Её девизом все это время были такие слова: нам легче - над нами бомбы не свистят. За долгие годы работы в сельском хозяйстве в качестве рядовой колхозницы, а особенно сказались годы войны, Басанова Татьяна Ивановна очень рано, уже к сорока годам, стала инвалидом труда.

Верный путь. – 2015. – 15 окт.

Маме

Сгущается зимняя темень,
Мерещится кто-то в углу,
У печки, намаявшись, дремлет
Котёнок на красном полу.
Ты крутишь своё веретёшко
И голос так нежно журчит,
А месяц рогатый в окошке
За чёрной куделей стоит.
Я слушаю все твои сказки
О жизни, судьбе и любви,
Легко уносясь без опаски
В чудесные годы твои.

Поднялся уж месяц немножко,
Я всё продолжаю летать,
Но слышу, как ты осторожно
Относишь меня на кровать.
И снятся мне бабки да дедки,
Не знаемы мной наяву,
Как будто действительно где-то
Я с ними со всеми живу.
Давно тебя нету на свете
И знаю, что ты не придёшь...
Но месяц тот светит и светит,
А ты все прядёшь и прядёшь...

Мила Мишарина

Где родился - там и пригодился



Накануне Нового года в старинном селе Орда появилась книга «Вдохновители земли ординской». Её подготовили сотрудники центральной библиотеки в рамках проекта «Орда - территория вдохновения». В разделе «Художники» размещена информация о местном самобытном живописце Владимире Басанове. Признаться, с творчеством этого мастера познакомилась раньше. Библиотека не раз устраивала выставки его ярких, написанных маслом картин. Мне захотелось познакомиться с ним поближе. И, как выяснилось, не напрасно.

Он преуспел не только как художник.

Ручная работа. Этот домик на берегу пруда небесно-голубого цвета с фигурками белых лебедей на палисаднике и фасаде, купидонами на фронтоне, привлекает внимание многих. Балкончик, мансарды, надворные постройки, гараж - единый архитектурный ансамбль, который создаёт приподнятое настроение.

Захожу в дом. Тепло и уютно. Встречает хозяин - Владимир Басанов.

Обращаю внимание на печку в коридоре, облицованную кафелем.

- Сам ли делал? - спрашиваю.

- Да, сам. Только надо её уже переключивать. Буду класть уже по- другому.

На кухне стоят стулья с необычными спинками, такие в магазине не купишь. А в комнате выделяется стол с резными ножками. Створки корпусной стенки украшены тоже рукой мастера.

- Вообще-то я раздал много мебели, сделанной своими руками. Это остатки, - рассказывает мастер, - учил меня местный столяр Женя Морозов. Однако мне хотелось заниматься рельефной резьбой. Вырезать не только ромбы, но и цветы, орнаменты...

Между тем я продолжаю рассматривать интерьер. На стенах картины. Вот портрет женщины с добрым взглядом.

- Это моя мама. Она хорошо рисовала, вышивала. Пела, играла на балалайке... - поясняет хозяин.

«И лучше деревни не знал» - Я родился в деревне Казаково,- продолжает Владимир. - Здесь учился в школе, в классе часто оформлял стенную газету.

О родной деревне он напишет позднее так:

Давно нет названья такого,
Но мне всех милее оно.
Деревня моя Казаково,
В которой мне жить суждено.

Видал я деревни другие,
И страны другие видал,
Но не было лучше России
И лучше деревни не знал.

- Хорошо рисовала в технике акварели моя старшая сестра, - рассказывает Владимир. - Я стал подражать ей. Чтобы освоить азы рисования, брал букварь и срисовывал фигурки животных. Была мечта поступить после школы в художественное училище. Однако мама не отпустила. Здоровье отца-фронтовика пошатнулось. Да и мама была инвалидом. В доме нужны были мои руки, а потому не до учёбы было. И пошел я работать, устроился в РСУ столярничать.

Служба в армии. Если сейчас армию идёт далеко не каждый призывник, то тогда в 80-е долг Родине отдавали почти все.

- Попал я в школу сержантов, в Алма-Ату. Там и прошёл обучение. Распределяли служить по всей стране, от Чукотки до Памира. Я получил распределение в Киргизию, в г. Нарын. Возглавил отделение солдат, которые проходили курс молодого бойца. Потом они разъезжались по заставам служить дальше. Прошёл проверку физического и морального духа. Воспоминания двоякие: дедовщина и всё, что с ней связано. А так же новые места, друзья, ощущения...

В традициях Нико Пиросмани. Картины висят в доме на стенах. Большая же их часть складирована на стеллаже. Их много, штук 30. Мы достаём одну за другой. Рассматриваем. Все их сюжеты навеяны детскими

воспоминаниями. Деревенская околица, идут мальчик с мамой, рядом тополя, дом, вдали речка. А вот зимой у колодца собрались женщины, набирают воды и обмениваются новостями. Картина праздника в деревне: гармонист играет на гармошке, селяне выплясывают, а бабушки обсуждают событие на скамейке. Или вот деревенская изба: мама - за прялкой, бабушка смотрит с печи. В красном углу - образа. Малыш на полу с машинкой. Кошка. Прошлый век, а как будто попадаешь в другое измерение.

Сам художник относит свои картины к так называемому наивному искусству. (Наивное искусство - это творчество художников без профессионального образования, которые при этом системно и постоянно занимаются живописью).

- В каждой картине должен быть сюжет, там что-то должно происходить... Не вижу смысла в рисовании пейзажей. Разве можно соревноваться с современными фотоаппаратами, которые передают красоту природы гораздо лучше и красочнее,- считает автор.

- Где получил основы рисования? - спрашиваю.

- Желание писать маслом пришло в нулевых. Я нашёл художника, который показал мне технику рисования, как разводить краски. Приобрёл кисточки, сделал мольберт. И стали рождаться одна за другой эти картины. Масляные краски в отличие от акварельных тем и хороши, что можно закрасить предыдущий неудачный слой другими оттенками.

Стихи. Большая часть его стихов связана с воспоминаниями детства, с природой. Неравнодушная позиция гражданина России выражена в этом стихотворении:

Помню - в детстве, у соседей,
Много лет тому назад,
Был приклеен дядей Фёдей
В сенях красочный плакат.
Лиц счастливых было много
И невиданной еды,
А вокруг поля, дороги
И цветущие сады.
Так, возможно, наши деды
Представляли коммунизм.
Шанс такой после победы,
Несомненно, был у них.

Но исчез туман весенний,
И исчезли с ним мечты
Трёх последних поколений
О господстве доброты.

Ни полей, ни лиц счастливых,
Ни еды и ни дорог.
Только смотрит боязливо
На разруху нашу Бог.
Всюду горе, как и прежде,
И дерутся с братом брат.
Обманул мои надежды
Тот приклеенный плакат.

Родословная. Деревня Толчая была в нескольких километрах от Орды, вблизи знаменитой Ординской подводной пещеры. Она исчезла, как и десятки других в районе.

- Здесь прошло наше детство. В пруду на Толчее мы купались, ловили раков, рыбу, - вспоминает Владимир. В память об исчезнувшей деревне

Владимир Михайлович с женой Любовью Ивановной установили крест с памятной табличкой. И ещё он написал картину, которая живописно повествует о некогда существовавшей деревне.

Интерес к истории у них с женой семейный. Желание узнать свои корни подвигло их рыться в архивах и музеях и составлять родословное древо. А ещё они собирают предметы быта в домашний музей, который размещается в балконной светёлке. Глиняные горшки, чугунные утюги, ступки, ухваты напоминают о прошлом веке и людях-тружениках...

Напоследок спросила его о планах.

- Знаете, планы очень личное дело. А человек я скромный, хвастать не умею, - ответил Владимир.

Вот в этом он весь...

Профсоюзный курьер. - 2021. - 17 февр. - с.7

Дядя Ваня

Опускается вечер зеленый,
Легкий дождь моросит на пруду,
В камышах, отбивая поклоны,
Цапля мокрая ищет еду.

На завалинке старенькой бани,
Наблюдая вечерний покой,
С козьей ножкой сидит дядя Ваня,
Улыбается, будто хмельной.

И глаза его светятся счастьем -
Снова дожил до летних деньков,
Тузик старенький, клаца пастью,
Отгоняет зануд комаров.

За деревней кукует кукушка,
Вышли рыбу ловить угланье,
А на плотике шатком старушка
На коленях полощет бельё.

Луч закатный, как красный прожектор,
Обагрил все вокруг из-под туч,
Кто-то с флягой на тачке проехал
За водою на мельничный ключ.

Внучка нянчит кота, напевая,
Из окна вслух считает сосед -
Дяде Ване кукушка шальная
Нагадала еще тридцать лет.

У бабки

Громогласно по старинке
Бьют у бабушки часы,
Молоко я пью из кринки
Так, что белые усы.

Бабка светится от счастья,
Предлагает пирожка -
Видит старая нечасто
Дорогого ей внука.

Ветер весело играет
С занавеской на окне,
Нинка бегать вызывает
И подсвистывает мне.

С Нинкой, бабкиной соседкой,
Неразлучны мы давно.
Дразнят нас "жених с невестой",
Нам и стыдно, и смешно.

Побежим на пруд купаться,
В лес по ягоды пойдём,
Жалко с Нинкой расставаться,
Целый день мы с ней вдвоём.

Громогласно по старинке
В нашем доме бьют часы.
Нет у бабки. Нету Нинки.
Только белые усы...



Зареченская начальная школа, 3 кл. 1965 г.

Учителя Ординской средней школы. 1964 г.





Банновские и казаковские ребята

10.04.1966 г.

*Сидят слева направо: Ищук Нина, Решетникова Аня,
Ёлохова Люся, Меньшикова Лида*

Стоят: Басанова Вера, Ищук Лида, Шляпникова Лида





Меньшиков Фёдор



*Ищук Иван,
Любовь,
Евдокия,
Антон,
Лаврентий*



*Басанов Иван Степанович,
настройщик топливных
насосов к-за «Правда»*



*Кузовлевы
Сидят: Арина Ивановна
с Игорем, Татьяна Николаевна
с Володей
Стоят слева направо:
Тамара, Ирина, Валентин*

*Тимофеев Леонид,
Меньшиковы Иван,
Анастасия, Федосья
Дети: Семериков Вася,
Тимофеев Сергей,
Меньшиковы Толя и Вася,
Бердниковы Вася и Миша*

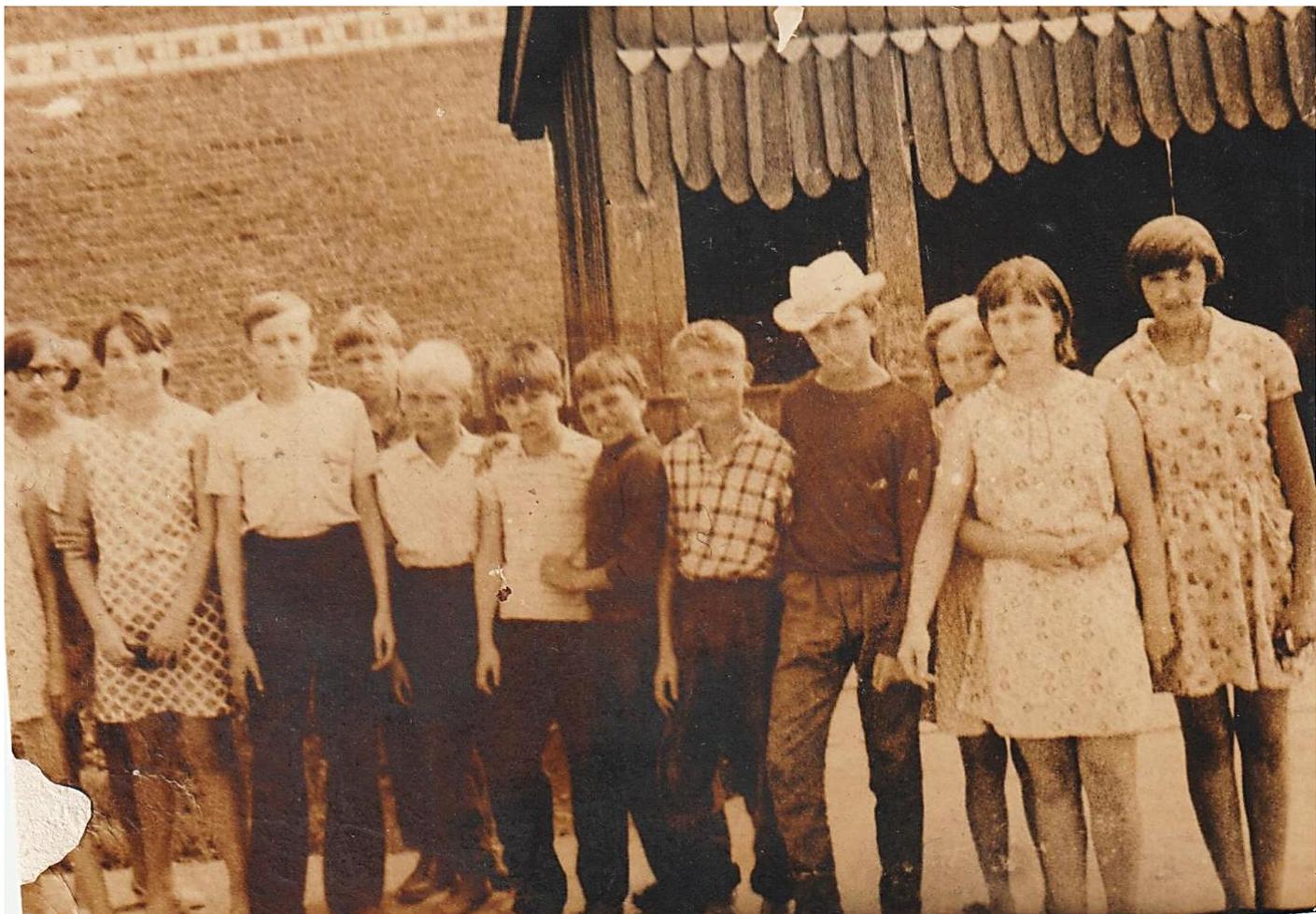




*Александр Шляпников,
Сергей и Владимир
Тимофеевы,
Юра Елохов,
Толя Меньшиков*

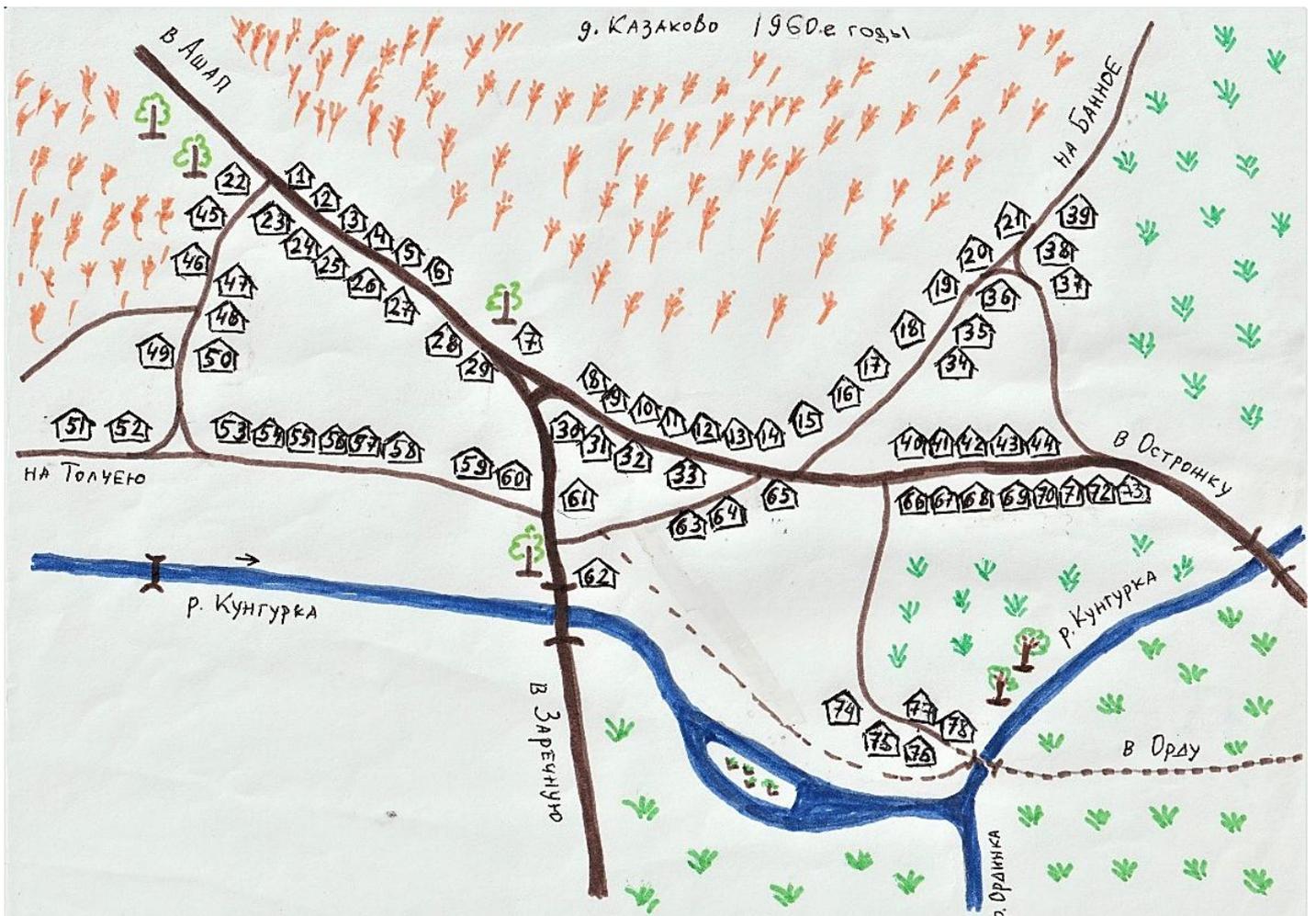


*Ищук Нина,
Басанова Вера,
Чуканова Ира,
Ёлохова Люся,
Шляпникова Лида*



Жители деревни Казаково. 1960-е годы

- | | | | |
|-----------------------|------------------------|------------------------|------------------------|
| 1. Бондарь | 19. Часовщик | 40. Кашины | 60. Кобелевы |
| 2. Лоскутовы | 20. Басановы | 41. <u>Кавардаковы</u> | 61. <u>Рахматова</u> |
| 3. Смирновы | 21. Сидоровы | 42. <u>Мехонины</u> | 62. <u>Чукановы</u> |
| 4. <u>Кузовлевы</u> | 22. <u>Араповы</u> | 43. <u>Алябушева</u> | 63. Паутовы |
| 5. <u>Кузовлевы</u> | 23. Дерягины | 44. <u>Трясины</u> | 64. Первовы |
| 6. <u>Степучевы</u> | 24. <u>Чеснокова</u> + | 45. Шляпниковы | 65. Михайловы |
| 7. <u>Галяс</u> + | Казачковы | 46. Шляпниковы | 66. <u>Щербинины</u> |
| Михайловы | 25. <u>Мехонины</u> | 47. <u>Честиковы</u> | 67. Степановы |
| 8. <u>Белёвы</u> + | 26. Басановы | 48. <u>Решетниковы</u> | 68. Батуевы |
| Первовы | 27. <u>Чупины</u> | 49. <u>Меньшиковы</u> | Зверевы |
| 9. <u>Беринцевы</u> | 28. Шляпниковы | 50. <u>Старцевы</u> | 69. Кобелевы |
| 10. <u>Рахматова</u> | 29. Меньшиковы | 51. <u>Чупины</u> | 70. Кашины |
| 11. Вахрушевы | 30. Шляпниковы | 52. Тимофеевы + | 71. |
| 12. | 31. <u>Степачук</u> | Шляпниковы | 72. Шляпниковы |
| 13. <u>Чуракова</u> | 32. <u>Ворошнины</u> | 53. <u>Семериковы</u> | 73. Южаковы |
| 14. <u>Гребёнкины</u> | 33. Бердниковы | 54. Басановы | 74. Щербинина |
| Балахонов | 34. Зыковы | 55. Кореневы | 75. <u>Кавардаковы</u> |
| 15. <u>Мишарины</u> + | 35. Смирновы | 56. Бердниковы | Сычёвы |
| <u>Мальгиновы</u> | 36. <u>Спирины</u> | 57. Меньшиковы | 76. Шляпниковы |
| 16. <u>Мехонины</u> | 37. Басановы | 58. Меньшиковы | 77. <u>Патя</u> |
| 17. Батуевы | 38. <u>Шобановы</u> | 59. <u>Ишук</u> | 78. <u>Хахилевы</u> |
| 18. | 39. Южаковы | 59. Кашины | |



Владимир Басанов
Летняя гроза

В летний день на Казаково
Тень тревожная легла,
Вышла туча тьмой лиловой
Из гнилого из угла.
Всё попряталось живое
В ожидании дождя.
Только Куба робко ноет,
Места всё не находя.
Заурчало. Ближе, ближе.
Вдруг сверкнуло за окном
И, то громче, то потише
Заверескал летний гром.
Загремел железной крышей,
Заплясал по речке тож
И на правый берег вышел
Озорной июньский дождь.

Поливает хлеб и травы,
Сад, цветник и огород.
Эх, напьются все на славу
На неделю-две вперёд.
Вот стихает дождь как будто,
Бочка доверху полна,
Куба выглянул из будки,
Я с опаской из окна.
Тучи минули. Светлее
Стало в небе голубом,
Скоро солнышко согреет
Всех, кто вымок под дождём.
На рыбалку вышли дети,
Вышли жители на двор,
Снова солнце, снова лето,
Снова птиц весёлый хор.

